ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

СЕРГЕЙ АНТОНОВ

РУБЛЕВКА-2

FUTURE CORP.

Метро

Сергей Антонов

Рублевка-2. Остров Блаженных

«АСТ»
2014

Антонов С. В.

Рублевка-2. Остров Блаженных / С. В. Антонов — «АСТ», 2014 — (Метро)

ISBN 978-5-17-086913-8

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!Захватить власть – куда легче, чем удержать ее. С этим очень скоро сталкиваются все без исключения революционеры. Не стали исключением и Юрий Корнилов сотоварищи, возглавившие переворот в Рублевской Империи. Разумеется, бывшие «хозяева жизни» не собираются мириться с властью военных и гастов, и на Рублевке зреет заговор. А тут еще всеведущий и таинственный Конструктор, и старые враги из Метро, да и дьявольский генератор Сфумато по-прежнему представляет нешуточную опасность для всех носителей разума. Но, как говаривал классик, «вослед врагам всегда найдутся и друзья»…

ISBN 978-5-17-086913-8

© Антонов С. В., 2014
© АСТ, 2014

Содержание

Второй фронт 6
Пролог 7
Часть Первая 11
Глава 1 11
Глава 2 17
Глава 3 23
Глава 4 30
Глава 5 37
Глава 6 43
Глава 7 50
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Сергей Антонов
Рублевка-2. Остров Блаженных

Блаженный – в высшей степени счастливый, невозмутимо радостный. В переносном значении – чудаковатый, юродивый.
«Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова.

Автор идеи – Дмитрий Глуховский

Серия «Вселенная Метро 2033» основана в 2009 году

© Д.А. Глуховский, 2014
© С.В. Антонов, 2014
© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Второй фронт
Докладная записка Вячеслава Бакулина

Как быстро летит время! Кажется, совсем еще недавно, а на самом деле – больше года назад (и ровно за двадцать лет до событий, описанных в «Метро 2033»), в мае 2013-го, я написал первую свою объяснительную записку для нашей серии. Посвящена она была роману Сергея Антонова «Рублевка». «Иногда они возвращаются», – говорил тогда я, вместе со всеми читателями радуясь, что Сергей, поставив точку в приключениях Анатолия Томского, не ушел из проекта.

Но жизнь – штука непредсказуемая, особенно жизнь в постъядерной Москве. Известно письмо Пушкина, в котором Александр Сергеевич сообщает: «Представь, какую шутку учудила со мной моя Татьяна! Она – замуж вышла. Этого я никак не ожидал от нее». И важно сейчас даже не то, искренним был великий поэт или слегка лукавил (мне почему-то кажется, что второе), а то, что хвост иногда может вилять собакой. Вряд ли Сергей Антонов, прощаясь в послесловии «Непогребенных» со своим героем, предполагал, что Томского, Елену и неразлучную пару Вездехода с Шестерой рано отправлять на покой, а вот как все вышло. Такую уж кашу заварил Юрий Корнилов, что расхлебать ее в одиночку ему оказалось не по силам. Да и Рублевка со своими обитателями, что ни говори, во все времена была слишком уж специфическим местом. Так что встреча двух героев Антонова была не предрешена, конечно, но вполне логична и ожидаема поклонниками серии. А уж во что она выльется… Сергей, как опытный писатель, остановил рассказ на самом интересном месте, и нам с вами не остается ничего другого, кроме как запастись терпением и дождаться завершения трилогии. Надеюсь, оно не за горами.

А еще мне пришло в голову вот что: Москву ведь не зря именуют «большой деревней» даже сейчас, когда она входит в число самых густонаселенных мегаполисов мира. В мире же, придуманном Дмитрием Глуховским, когда она и вовсе превратилась в весьма замкнутое пространство, да еще и на фоне «рожденного ползать» поколения, настоящие герои видны еще отчетливее. Мне кажется, что они просто обречены на встречи друг с другом. На альянсы, противостояния или просто параллельное взаимодействие. Для Вселенной супергероев Marvel, скажем, такое положение дел давно уже является нормой, и ее поклонников не удивить столкновением Железного Человека или Человека-Паука с Тором или Хал-ком. Так что «второй фронт», открытый в «Рублевке-2», скоро может стать для Вселенной Метро 2033 обычным делом, и герои Сергея Антонова, Анны Калинкиной, Сурена Цормудяна, Сергея Зайцева, Андрея Гребенщикова смогут встретиться не только в воображении фанатов серии. По крайней мере, мне было бы интересно прочесть об этом.

Пролог

Вся экипировка человека, который направлялся от Жуковки к видневшемуся на горизонте лесу, была такой новой, что сразу было понятно – свое уютное гнездышко он покидает не часто. Да и путешественником он был неопытным: беспрестанно поправлял сползающий с плеча ремень автомата, останавливался, чтобы протереть стекла противогаза, и постоянно оглядывался назад.

Этот человек действительно никогда раньше не покидал своего элитного бункера. Если бы кто-то двумя днями раньше сказал Хиле, что он в одиночку попрется к черту на кулички, он бы рассмеялся шутнику в лицо. Однако все изменилось. У Хилы были очень веские причины не посвящать никого в свою тайну. Он попросту не хотел делиться славой. А с насиженного места его, как ни странно, подняла древняя легенда.

Несколько китайских правителей, в том числе и строитель Великой Стены, император Цинь Шихуанди, снаряжали экспедиции за травой цзи, произрастающей на Острове Блаженных[1]. Безрезультатно. Легендарное растение, дарующее вечную молодость, добыть так и не удалось. И все потому, что остров не являлся географической точкой. Он существовал вне времени и пространства. Добраться до него стало возможным лишь после того, как Катаклизм вывернул мир наизнанку. Трудно поверить, но именно ядерная зима позволила расцвести новым формам жизни. В том числе и волшебной траве цзи… Как говорится, нет худа без добра.

Хила остановился передохнуть. Он слишком спешил, а защитный комбинезон с нашитыми на груди свинцовыми пластинами не предназначался для бега по пересеченной местности.

Присев на поваленное ветром сухое дерево, мужчина в который раз протер запотевшие стекла противогаза, снял с плеча автомат и с наслаждением вытянул ноги. Времени у него полно. До леса всего пара километров, и он успеет вернуться в Жуковку еще засветло.

В том, что траву удастся отыскать, Хила не сомневался, хотя и не знал, откуда взялась эта уверенность. Он просто шел по пути, который указали ему высшие силы. Вера ведь тем и отличается от всего остального тем, что не нуждается в доказательствах.

Впрочем, если хорошенько поразмыслить, и кое-какие доказательства у него имелись. По легенде на Острове Блаженных жили не только бессмертные люди сянь, но и драконы. А разве рублевские леса не кишели ящерами-варанами? Разве в них не произрастали диковинные, порожденные радиацией плоды?

Хила улыбнулся. Он добудет главный ингредиент эликсира бессмертия и сделает так, чтобы остатки человечества вновь почувствовали себя хозяевами этой планеты. Разумеется, не бесплатно.

– Немощный старик – снова пылкий юноша, – вслух, нараспев произнес Хила. – Дряхлая старуха – снова юная девушка. Тот, чей облик преображен, и кто избежал коварства жизни, обретает славное звание Истинного Человека…

Хорошо сказано. Красиво.

Хила встал и продолжил свой путь. По мере приближения к лесу трава становилась все гуще. Начали попадаться кусты. Их корявые, покрытые бородавчатыми наростами ветви и сморщенные коричневые листья не подходили под описание растений, произрастающих в земном раю, но Хилу такие мелочи не волновали. Древние китайские мудрецы были склонны приукрашать прозу жизни, ничуть не заботясь о том, что могут ввести простых людей в заблуждение. И к тому же, красота – понятие относительное.

---

[1] Остров Блаженных или Пэнлай, в китайской даосской мифологии один из островов бессмертных, вариант даосского рая.

На подходе к лесу Хила не смог сдержать нетерпения – оставил размышления на потом и побежал. Тут же споткнулся о какую-то корягу, бухнулся в траву.

– О, черт…

Хила сел. Потер ушибленное колено. Сам виноват. Нечего вести себя, как мальчишка, которого поманили конфеткой. Надо быть осмотрительнее. Траву цзи он пока не добыл, эликсир не изготовил, а потому калечиться рано.

Хила нахмурился. Пока он падал и вставал, что-то изменилось. Лес? Нет. Он выглядел по-прежнему. Засохшие, лишенные коры сосны и новые деревья – приземистые, режущие глаз своей неестественно яркой зеленью. Небо? С ним тоже все в порядке. Серые тучи, мутное пятно солнца – все, как обычно. В чем же тогда дело? Хила взглянул на компас. Стрелка его бешено вертелась, не желая указывать стороны света. Ничего удивительного. Этого следовало ожидать. В таком месте созданные руками человека приборы не работали. И не должны были работать. Но не компас волновал Хилу.

Озарение пришло, когда Хила догадался закрыть глаза. Он сразу понял – причина беспокойства не в визуальных ощущениях. Звуки. Точнее, всего один звук. Какое-то монотонное гудение.

Хиле было под шестьдесят, но он хорошо помнил дедовскую пасеку и гудение клубящегося над клевером роя пчел. Очень похожий звук он слышал сейчас. Вот только откуда здесь взяться пчелам?

Хила открыл глаза и окаменел. Дед шел ему навстречу. Крепкий старикан с окладистой седой бородой, в своей неизменной клетчатой сорочке. Пчелиный рой окружал его голову, как нимб, и излучал голубоватый свет. Такими же были глаза деда – в них словно вмонтировали лампочки от елочных гирлянд.

Замешательство Хилы длилось недолго. Дед умер еще до Катаклизма, но в местности, где растет трава цзи, понятия жизни и смерти теряют всякий смысл. Немощный старик – снова пылкий юноша… Мертвец – опять живой!

Под усиливающееся гудение пчелиного роя Хила двинулся навстречу деду, уверенный в том, что старик – посланник высших сил. Он сообщит что-то очень важное или станет проводником.

Чаяния Хилы не оправдались. Когда его и деда разделял всего лишь десяток метров, призрак окутался голубым свечением и растворился в нем. Голубой столб распался на отдельные фрагменты, которые окружили Хилу. Гудение сменилось потрескиванием. Автомат соскользнул с плеча и упал в траву, но Хила этого даже не заметил. Он шел к лесу неверной походкой пьяного человека. Когда оказался среди деревьев, с удивлением осмотрелся. Вспомнить, зачем сюда пришел, Хила так и не смог, но упорно, с маниакальной настойчивостью продолжал двигаться вперед.

И вот деревья расступились, впустив человека на странную поляну. Хила окаменел. Он никогда не видел такой красоты. Даже все прелести Жуковки, резиденции нового фараона, меркли перед этой поляной. Все здесь расцветало всевозможными оттенками ультрамарина – стволы невиданных деревьев, их листья, трава… Над ней порхали полупрозрачные голубые бабочки. Одна из них села Хиле на плечо. Он все вспомнил. Трава цзи. Вот то, что ему нужно.

– Сними противогаз, человек. Он здесь ни к чему. Лишь мешает вдыхать чудные ароматы этого места. Сними же, сними…

Бабочка, само собой, разговаривать не могла. Этот голос, нежный, бархатистый и бесполый звучал в голове Хилы. С ним говорила Поляна. Хила ни секунды не раздумывал – с омерзением сорвал противогаз и швырнул его в траву.

Выглядел он намного младше своего возраста. Сказывались постоянная забота о собственном здоровье и рублевский быт, который позволял довести эту заботу до совершенства. Брить голову Хила начал давно – как только заметил залысины. Благодаря этому и тщательному

уходу за кожей лица теперь он походил на стареющего, но все еще не покинувшего сцену артиста. Узкое, с подвижными чертами лицо, тонкие, аристократического очертания губы, прямой победительный нос с чувственными ноздрями и умные серые глаза дополняла академическая бородка клинышком.

Хила проследил за упавшим противогазом. Падая, он поднял облачка голубой пыльцы. Да, Поляна права. Ароматы здесь, действительно чудные. Какая-то странная смесь шампанского «Дом Периньон», которое так ценили рублевские небожители, и засушенных цветков лаванды. Запах рая, запах Острова Блаженных.

Хила улыбнулся. Он достиг своей цели. У его ног – трава цзи. Он и не мечтал, что ее будет так много. Сейчас надо просто набить рюкзак, а уж потом, если удастся изготовить эликсир, он уговорит Рамзеса снарядить еще одну, хорошо оснащенную экспедицию.

Мысль о том, что появится возможность готовить целые бочки эликсира бессмертия, так развеселила Хилу, что он звонко рассмеялся.

Метнулись в разные стороны испуганные бабочки. Хила наклонился, чтобы сорвать первый пучок травы, но тут Поляна вновь заговорила с ним. На этот раз в голосе этом отчетливо звучали нотки насмешки.

– Ты естествоиспытатель или портянка?

– Что?!

– А уши на что, лапшу вешать? Ты уверен, что эта голубая хрень – действительно трава цзи?

– Что?! – пораженный грубым тоном невидимого собеседника, Хила оглядывался по сторонам. – Как?

– Каком кверху! И ты еще называешь себя целителем! Шарлатан и трус! Любой уважающий себя естествоиспытатель сначала проверит свое творение на себе. А вдруг как эта травка окажется ядовитой? Нетушки. Без испытания – никак.

– Но я не могу изготовить эликсир прямо здесь!

– Зато здесь можно начать, а закончить потом. Нечего таращиться по сторонам! Вспомни настоящих ученых, которые были готовы пожертвовать жизнью во имя науки, и приступай! Бери пример с изобретателя противогаза Зелинского. Это парень испытал свое детище на себе, совершив поистине научный подвиг! А Джонас Солк и его прививки против полиомиелита? А Гордон Гисбрихт и его опыты с пониженными температурами? Я уж не говорю о докторе Джекиле, мать твою через коромысло!

Невидимый собеседник Хилы говорил все громче, пока не перешел на визг. Визг сменился завыванием, а оно, в свою очередь – надрывным гудением. Хила прикрыл уши ладонями, но поскольку звук исходил не извне, а бился внутри мозга, толку от таких телодвижений было немного. Казалось, еще немного, и череп лопнет, а мозги стекут в голубую траву.

– Я согласен! – завопил Хила. – Согласен, черт бы тебя побрал! Только заткнись!

Тишина окутала поляну так внезапно, что показалась Хиле более громкой, чем недавнее гудение. Он тряхнул головой.

– Я согласен… Не делай так больше.

– Согласен? На что?

– Быть как они…

– Пожертвовать собой во имя науки?

– Да…

Хила не замечал струйки слюны, которая стекала у него из левого уголка рта и останавливала свой бег в бородке.

– Ну, так чего же мы ждем? Экспериментируй!

– Я… Я не знаю с чего начать.

– У тебя есть трава цзи, – голос Поляны сделался вкрадчивым. – С помощью ее ты можешь, например, отрастить себе крылья и стать похожим на ангела, но… Согласись – это будет смешно и нелепо.

– Да уж.

– Предлагаю другой вариант. Может быть, он покажется тебе чересчур кровожадным… Ты ведь слыхал про аутотомию и регенерацию?

– Ящерица…

– А ты чем хуже? Отрежь какую-нибудь из частей тела, а потом воспользуйся этой чудной травкой для регенерации.

– Как это – отрезать?..

– Если трусишь – я пойму. Никто тебя не принуждает. Убирайся отсюда к чертовой матери и не рассчитывай больше отыскать Остров Блаженных.

В голове Хилы все смешалось. Трава цзи, странный голос, крылья ангела, отрезанные конечности, регенерация… Он сел, поднес к глазам руки, потом уронил их на колени и осмотрел ноги. Регенерация. Возможно ли это?

Когда Хила оторвался от созерцания собственных конечностей и вновь пробежался взглядом по поляне, то вдруг понял – возможно всё. На то он рай, чтобы в нем сбывалось даже невозможное. Надо лишь поверить в чудо, и оно свершится.

Рука Хилы скользнула по бедру, ладонь сомкнулась на рукояти десантного ножа. Итак, с чего начать? Левая рука? Странно, но руки почему-то было жалко. Даже несмотря на то, что трава цзи позволит отрастить новую. Хила, наконец, принял решение. Выдернул нож из чехла и, крякнув, воткнул лезвие в правую ногу чуть ниже колена. Прорезиненная ткань поддалась легко, верхний слой плоти – тоже. А потом лезвие уперлось в кость.

Хила зарычал. Не столько от боли, сколько от ярости. Почему-то решил, что с правой ногой будет справиться легче и принялся кромсать ее. Чем хуже получалось, тем в большее неистовство приходил Хила.

Остановился он лишь после того, как понял, что уже барахтается в луже собственной крови. Видеть мешал холодный пот, заливший глаза. Хила стер его рукавом и вскрикнул от изумления. Синие и голубые краски, которые всего пару минут назад заставляли сердце петь от восхищения, пропали. Их поглотила серость – визитная карточка мира, пережившего катастрофу. Кривые, уродливые стволы деревьев, чахлые кусты и пожелтевшая, болезненного вида трава – все это Хила видел тысячу раз.

Он попытался встать, но не смог этого сделать из-за головокружения и резкой боли в истерзанных до предела ногах.

Куда исчез Остров Блаженных?! Куда подевалась трава цзи?!

Хила попытался вызвать на откровенность голос, советовавший ему пожертвовать собственными конечностями во имя торжества науки, но вместо членораздельных звуков горло почему-то выдавало лишь невнятное мычание.

Хила уставился на пульсирующий фонтанчик крови, который пробивал себе путь через лоскуты комбинезона на ноге. Зрелище было таким завораживающим, что человек никак не мог от него оторваться.

Постепенно мир сузился до этого кровяного гейзера. Хилу обступали темнота и безмолвие. Он зевнул. А ну ее… Кого? Да траву, которую он собирался отыскать. И вообще, ну их всех… Путь в рай оказался гораздо короче, чем он предполагал.

Хила думал, что окончательно утратил эмоции, но появление из темноты каких-то фигур с блестящими обручами на головах его разозлило. Наверняка это были Бессмертные. Сянь. И чего они приперлись? Хотят забрать его к себе? Хм… Он на этом не настаивает. Ему все равно.

Последним, что промелькнуло в остывающем мозгу Хилы, было удивление. Люди сянь почему-то говорили и даже матерились на чистом русском языке.

Часть Первая
Внутренняя Угроза

Глава 1
Бронкс и компания

Помещение, в котором собралась элита поселка Барвиха, было некогда стилизовано под рыцарский зал. Теперь об этом напоминали светильники в виде факелов и пятна, имевшие форму щитов, на стенах, небрежно сваленные по углам бутафорские доспехи, да стулья с высокими резными спинками, расставленные у круглого стола.

По замыслу дизайнера стол этот должен был походить на тот, за которым в славные времена расцвета Камелота сиживали рыцари короля Артура. Однако компания, рассевшаяся за ним сейчас, мало походила на членов рыцарского ордена.

Самыми колоритными были в ней четыре персонажа. Пальму первенства, несомненно, держал толстяк в солнцезащитных очках. Тройной его подбородок упирался в грудь, а на едва различимой, вросшей в плечи шее виднелась замысловатая вязь уже выцветших татуировок. Ими же были покрыты толстые ручищи. Толстяк был наряжен в черную футболку, украшенную изображением диковинного зверя с оскаленной пастью. То ли волк, то ли лиса, по идее изображался бегущим. Однако футболка была толстяку явно мала, и от этого зверюга сложился почти пополам.

Этот странный наряд дополнялся медальоном белого металла на длинной цепочке и красной бейсболкой, козырек которой закрывал глаза. Толстяк вел себя беспокойно – постоянно ерзал, заставляя стул жалобно поскрипывать. Судя по всему, он любил класть ноги на стол, но принять излюбленную позу мешал слишком большой живот.

Следующим по степени колоритности был мужчина, являвший собой прямую противоположность толстяку. Страшно худой и узкоплечий, он был занят тем, что беспрестанно поправлял взъерошенную копну седых волос, а в свободное от этого упражнения время увлеченно обрабатывал ногти пилочкой. Самым примечательным на его сморщенном личике были вытянутые в трубочку губы, явно имеющие такую форму не от рождения. Узкие усы и бородка выглядели не слишком уместно на женственном лице и годились разве что для того, чтобы подчеркивать половую принадлежность трубкогубого. Одет он был в белый пиджак, из-под которого выглядывала розовая сорочка с гигантским остроугольным воротником. Уверенный и даже нагловатый взгляд подведенных черным карандашом глаз свидетельствовал о том, что дядя не находит в своем виде ничего комичного и не подозревает о том, что мог сорвать бешеные аплодисменты, исполняя роль гриба-мухомора в детском спектакле. А впрочем, какие уж теперь детские спектакли…

Рядом с трубкогубым сидела дама. Увядшее лицо ее, сохранившее на себе отпечаток бурно проведенной жизни, было обычной физиономией износившейся до предела красотки. От прежней славы у светской львицы сохранилась только грудь. Она была настолько большой, что лишь чудом не вываливалась из глубокого декольте и доставляла своей хозяйке массу хлопот тем, что мешала ей удерживать вертикальное положение.

На грудь эту без особого энтузиазма поглядывал четвертый персонаж, из-за множества нашитых на красный пиджак страз, аксельбантов и эполет выглядевший гусаром-переростком. Блеклые светлые волосы его были зачесаны в тщетной попытке скрыть розовую, в половину головы, лысину. Иногда гусар-пенсионер отрывался от созерцания гигантской груди соседки,

любовался на себя в овальное карманное зеркальце и, оставшись недоволен увиденным, кривил чувственные мясистые губы.

Десяток остальных членов этого подозрительного братства в той или иной степени повторяли отличительные особенности основной четверки: избыток украшений, кричащие наряды, следы пластики на лицах и набор всевозможных ухищрений для сокрытия следов неотвратимо надвигающейся старости.

Толстяк хлопнул в ладоши так громко и неожиданно, что его соратники подпрыгнули на стульях.

– Ну, ребятки, я выдал вам всю информацию, обрисовал ситуацию. Хочу услышать ваши мнения, чтобы принять решение.

– А че тут решать, Маратик?! – визгливо воскликнул трубкогубый. – Лично я от этого Корнилова в шоке! Он или совсем без башни, или таблетку принял!

Толстяк снял очки и с минуту сверлил трубкогубого взглядом заплывших жиром глазенок. В зале повисла мертвая тишина.

– Какой я тебе Маратик?! – наконец прохрипел толстяк. – Сколько раз, господин Кроликов, я просил вас называть меня Мистером Бронксом! У самого, петушиная твоя рожа, башню снесло?

– Скажите пожалуйста, какие мы ранимые! – пробормотал Кроликов себе под нос, предусмотрительно прикрывая лицо ладонями. – Был Мистер Бронкс, да весь вышел. Только и осталось, что пузатое недоразумение, под хохлому расписанное…

– Чего-о-о-о?!

– Ну-ну, господа! – гусар-переросток встал и развел руки в стороны с видом Христа, читающего нагорную проповедь. – Обойдемся без взаимных оскорблений. Все мы… Да что там говорить: годы летят, и былого куража уже нет, но…

– Да пошел ты! Не знаю, как другие, а я по-прежнему дарю красоту и украшаю собой этот мир! – запальчиво воскликнул Кроликов, не забывая поправить шевелюру. – Не желаете меня слушать – уйду!

– Ладно, – устало махнул рукой Мистер Бронкс, надевая очки. – Хватит собачиться. Все мы тут… красавцы и красавицы. Как говорится, ближе к телу. Давайте теперь по делу.

– Я скажу, – пышногрудая дама поднялась и одернула свое узкое атласное платье. – Свободные гасты – то же самое, что коктейль без соломинки. Пусть Корнилов ставит свои опыты в Жуковке. Аристократия Барвихи будет жить по правилам, установленным Рамзесом. Точка! Гасты работают, а мы…

– Гламурим! Ха-ха-ха! Аристократия! Идиоты!

Реплику с места подал длинноволосый, бородатый, с ног до головы затянутый в черную кожу мужчина. Расстегнутая до пупа куртка обнажала волосатую грудь и массивный серебряный крест. Он ничуть не стушевался под строгим взглядом Мистера Бронкса. Демонстративно вытащил из нагрудного кармана фляжку, свинтил пробку, запрокинул голову и вылил содержимое в широко разинутый рот. Только после того, как смахнул капли с бороды и усов, он удостоил окружающих вниманием.

– Че вытаращились? Пошутил я! Ха-ха-ха!

– Господа! Ну, господа же! – престарелый гусар-миротворец вновь встал. – Вопрос решается очень серьезный! Прекратите юродствовать!

– Будьте дисциплинированными друзья, говорю вам я!

Призыв Бронкса был услышан, но почему-то вызвал эффект, диаметрально противоположный ожидаемому. Заговорили все одновременно. Причем никто никого не слушал.

– Независимость Барвихе!

– Долой Корнилова и его оборванцев!

– Рублевка для богемы!

Бронкс, между тем, совершенно успокоился и поглядывал на галдящих аристократов с презрением. Эта пародия на совещание было пустой формальностью. Все было ясно и так. Эти люди никогда не примут Корнилова с его бредовыми нововведениями. Власть парня, задумавшего поиграть в демократию – дом, построенный на песке. Крах неизбежен. Это лишь вопрос времени. А пока… Барвиха будет жить по старым законам, и кто знает, может быть к ней очень скоро присоединятся другие номы Рублевской Империи. Теперь остается только дать знать Корнилову и военной хунте Жуковки о том, что он, Мистер Бронкс, не собирается плясать под дудку пришельца, вздумавшего уравнять в правах элиту и гастов.

Несмотря на комичную внешность, Мистер Бронкс был парнем более чем серьезным. В отличие от коллег-аристократов, которые, по большому счету, занимались только собой, толстяк размышлял о том, что происходит вокруг, делал выводы, предпринимал ответные меры. Именно это и позволило ему стать безусловным лидером барвихинской группировки. Нельзя сказать, чтобы он пылко любил основателя Империи Рамзеса и его преемника Ахмаева. Однако, несмотря ни на что, они были людьми его круга, в отличие от баламута Корнилова. Его появление нарушило устоявшуюся жизнь и сделало из Бронкса-оппозиционера Бронкса-консерватора. Пока гламурная братия судила и рядила, он начал действовать. Чтобы удержать в узде развращенных Корниловым гастов, Бронкс пошел на беспрецедентные меры – разделил барвихинских рабов. Часть из них получила оружие, кое-какие блага и стала гвардией, защищающей интересы аристократии. Вторая половина гастов осталась в прежнем, бесправном положении. Принцип «разделяй и властвуй» сработал безотказно – гасты-воины и гасты-рабы стали непримиримыми противниками, а Бронксу оставалось только подогревать их взаимную ненависть. Оставалось только ждать, что предпримет Корнилов, и быть готовым дать ему отпор.

Бронкс вздохнул. Двадцать лет назад он и подумать не мог, что станет политиком. Все, что угодно – только не это. Музыка, кино, модельный бизнес, на худой конец пошив одежды а-ля Мистер Бронкс…

Все смел ядерный ураган. Погасли огни ночных клубов, ушли в небытие толпы поклонников и поклонниц, исчезли белоснежные яхты, на которых он привык отмечать дни своего рождения. Поначалу, еще не осознав до конца, что произошло, Бронкс пытался писать стихи и горланить любимый хип-хоп. Делал вид, что ничего не произошло. Однако суровая реальность перла изо всех щелей, давила и ломала. Никому не было дела до его стихов и песен. Бронкс впал в депрессию и нашел утешение в чревоугодии. Очень скоро от подвижного, скользкого как угорь мальчишки ничего не осталось, а Бронкс, уединившись в своем подвале, упорно продолжал жрать и рыдать, глядя на свои плакаты. Возможно, лопнул бы и сдох, если бы не сумел вовремя понять: противопоставлять себя новому миру бесполезно, необходимо влиться в него, стать неотъемлемой частью.

Бронкс сел на диету. Похудеть не удалось, зато появились новые интересы, позволившие удержать вес на достигнутой отметке. Новоявленный лидер принялся критиковать все и вся. Очень быстро добился признания и авторитета в аристократических кругах. Мог бы почивать на лаврах, не появись Корнилов. Демократическая сука… Ничего. Придет время – посчитаемся.

Отвлекшись от размышлений, Бронкс с удивлением увидел, что страсти вокруг обсуждений дальнейшей судьбы Барвихи не только не улеглись, но еще больше раскалились. Пышногрудая львица Раиса обеими руками вцепилась в драгоценную шевелюру стилиста Кроликова с твердым намерением ее проредить. Гусар-певец, уже с одним эполетом, объединившись с бывшим ди-джеем, пытался стащить запрыгнувшего на стол мужика в коже. Остальные, разделившись на несколько лагерей болельщиков, ревели, улюлюкали и хлопали в ладоши, подбадривая драчунов.

Бронкс решил не вмешиваться. Пусть себе. Элите нужны развлечения.

Кто-то тронул его за плечо. Бронкс обернулся. Затянутый в камуфляж, вооруженный автоматом гвардеец наклонился к уху хозяина.

– У нас гости из Жуковки. От Корнилова. Хотят встретиться.

– А-а, заявились, голубчики. Сколько их?

– Четверо. Пара офицеров. Два других, судя по поводкам, – гасты.

– Разоружить. Связать. Передать этим иудам, что я сейчас буду.

– Есть!

Не обращая внимания на беснующихся соратников, Бронкс с кряхтением слез со стула. Невысокий рост и тучность делали его похожим на колобка. Однако двигался толстяк довольно энергично.

Бронкс вышел из рыцарского зала в небольшую комнату, где его поджидали два охранника-гаста. Один из них распахнул перед шефом стальную дверь. Бронкс оказался в подземном переходе, освещенным лампочками-грушами, которые крепились на низком потолке. Благодаря своему росту толстяку, в отличие от статных охранников, пригибаться не приходилось.

Длинный коридор имел многочисленные ответвления, которые вели в подвалы особняков Барвихи. Кое-где кирпичная кладка была совсем свежей – сеть подземных туннелей продолжала строиться. Дело это было непростым. Инженеры, проектировавшие ходы сообщения, зачастую пренебрегали качеством, из-за чего стены многих туннелей буквально сочились влагой. Под ногами хлюпала вода – дощатых настилов не хватало, и жителям Барвихи, которые пользовались ходами, приходилось месить грязь.

Еще недавно основным занятием Мистера Бронкса было распекание инженеров и строителей. После смены власти в Жуковке о неудобствах пришлось забыть – катастрофически не хватало рабочих рук. Многим гастам пришлось сменить лопаты и кирки на автоматы. Милитаризация, мать ее так. Еще один гвоздь в гроб Корнилова.

Свернув несколько раз, Бронкс и его спутники оказались у нужной двери. Она вела в подвал особняка, особенно памятного властелину Барвихи. В нем он провел первые дни после Катаклизма – в компании старого брюзги-генерала и парочки «золотых голосов России». Тогда эта троица все никак не могла успокоиться. Генерал и певцы то и дело напяливали противогазы и выползали на балкон, чтобы полюбоваться тем, что сталось с Барвихой. Бронкс, тогда еще избалованный папашиными деньжищами зеленый юнец, предпочитал отлеживаться в подвале, пялясь на потолок. Боевое было время…

Через три месяца старый вояка застрелился. Перед актом самоубийства профессиональный алкоголик выкушал не меньше трех бутылок коньяка, поэтому не сразу попал себе в висок из наградного пистолета. Для начала разворотил половину лица и лишь после этого догадался вставить ствол в рот. Зрелище было жутким: смесь генеральских мозгов забрызгала весь подвал. «Золотым голосам России» и молодому представителю людей новой формации Бронксу пришлось взять в холеные ручонки швабры и половые тряпки. Возможно, тогда-то в сознании парня и произошел надлом – он увидел, что человеческий мозг просто серая, весьма непритязательная на вид кашица и понял, что смерть никакая не загадка, не таинство.

Потом один певец ушел в Жуковку. Второго Бронкс, начавший активную деятельность, собственноручно казнил за попытку бунта. Отсек ему голову двуручным рыцарским мечом, который, хоть и был бутафорским, отличался прекрасной заточкой. Именно после этого авторитет бывшего хип-хоппера стал непререкаемым. С ним стали считаться. Все. Даже Умар Ахмаев. А уж его уважения было не так-то просто добиться.

Бронкс вошел в подвал, переоборудованный под кабинет, уселся за письменный стол. Включил настольную лампу, полюбовался собственными изображениями на ветхих плакатах, которыми были оклеены все стены. Перевел взгляд на знаменитый меч, которым давно не пользовался. Меч стоял в специальной подставке, окруженный клюшками для гольфа. Фальшивый рубин, вделанный в рукоять, призывно посверкивал всеми оттенками крови.

Бронкс кивнул охранникам. Один вышел из подвала, а через минуту на верхнем этаже послышался топот сапог.

Дверь распахнулась. В кабинет втолкнули четверых жуковских парламентеров. У одного была рассечена губа, другой утирал рукавом комбинезона разбитый нос. Оставшиеся двое не пострадали. На лице каждого было написано возмущение.

Первым заговорил седой мужчина с военной выправкой и шрамом через всю правую щеку. Теперь шрам налился кровью и сделался красным, подчеркивая ярость, переполнявшую вояку.

– Мы из Жуковки!

– Искренне рад за вас, – ухмыльнулся Бронкс. – И как там в Жуковке? Все аристократы с гастами перебратались, или у кого-то еще осталась гордость?

– Мы из Жуковки и не потерпим такого обращения! Сейчас же развяжите нас и верните наше оружие!

– Потерпите, еще как потерпите… И чего же желает ваш новый владыка Корнилов?

Мужчина со шрамом хотел что-то сказать, но его перебил молодой спутник:

– Желает, пузатая падла, чтобы ты лизал ему сапоги! Совсем оборзел? Хочешь, чтобы твою поганую Барвиху разнесли по кирпичикам?!

– Так-так, – Мистер Бронкс задумчиво барабанил пальцами по столу. – Значит, сапоги. Лизать. Мне. Что ж… Не будем оставлять вашему Корнилову иллюзий. Этого с порезанной мордой оставить. Остальных вывести наверх и… Каждому по пуле в лоб. Вышибить мозги, которые додумались учить меня – меня! – лизать сапоги.

Жуковские были так ошарашены приказом Бронкса, что даже не сопротивлялись, когда их выводили за дверь.

– Ты, видать, из военных? – поинтересовался толстяк у последнего парламентера. – Звание? Фамилия?

– Майор Сиваков.

– Посадите майора на стул. Что ж ты, майор, пошел на службу к человеку без роду-племени?

Сиваков нахмурился и ничего не ответил.

– Ладно, черт с тобой, живи, – милостиво объявил Бронкс. – Только больше в Барвиху не суйся. Сам понимаешь: в другой раз я тебя отсюда живым не выпущу.

– Корнилов не простит тебе…

– Плевать мне на Корнилова! Барвиха больше не входит в состав Рублевской Империи. Мы – сами по себе. Как говорит мой дружок, стилист Кроликов, жар-птицы стаями не летают. Впрочем, все это я сообщу Корнилову письменно.

Бронкс выдвинул ящик стола, чтобы взять бумагу, и вдруг замер с разинутым ртом. Его смуглая кожа не обладала способностью бледнеть, но сделалась пепельно-серой.

Выйдя из ступора, толстяк достал конверт, поманил охранника пальцем и помахал конвертом у него перед носом.

– Как это понимать, придурок?! Откуда, едрит тебя в дышло, в моем столе…

– Не могу знать!

– А надо бы…

Бронкс вытащил из конверта сложенный вчетверо листок. Когда развернул его, первым, что бросилось в глаза, была фигурка черного шахматного короля, заменявшая подпись. В течение нескольких минут в кабинете слышалось только сопение Бронкса, читающего послание.

Наконец он положил листок на стол и взглянул на майора.

– Я поспешил с решением, командир. Корнилов обойдется без ответа. В общем, так: этого тоже – в расход!

Сиваков решил постоять за свою жизнь. Даже со связанными руками он сумел показать барвихинским увальням, как дерутся настоящие мужчины: одного охранника уложил ударом головы в живот, второго, с помощью подножки, заставил расцеловаться со стеной. Третий успел сбежать в коридор и позвать подмогу.

В конце концов, майора все-таки скрутили и выволокли из подвала.

Мистер Бронкс еще раз прочел послание Черного Короля, задумчиво пожевал губами.

– Что ж, подобьем бабки. Никакого сепаратизма. Наше дело – сторона? Нет, ребятушки – война!

Глава 2
Клин клином

Даже в такой простой штуковине, как брезентовая ширма, можно найти много занятного. При том, однако, условии, что на нее надо долго пялиться. Тогда можно увидеть, что одинаковые на первый взгляд заплатки сильно отличаются одна от другой. При желании можно даже найти определенный порядок в их хаотичном расположении и связать сшитый из старых палаток кусок брезента с собственной судьбой. Именно этим занимался Томский. Он сидел перед брезентовым пологом на деревянном ящике и вспоминал о такой же брезентовой ширме на Войковской. Там она отделяла от платформы импровизированный тренажерный зал, который жители станции называли качалкой. Здесь, на бывшей Подбелке, ширма тоже исполняла функцию по охране здоровья – огораживала карантинную зону.

Небольшой лазарет пришлось сделать после того, как болезнь поразила нескольких мужчин, бывших узников Берилага, и женщину, появившуюся на станции уже после ее переименования. Симптомы заболевания напоминали бронхит – насморк, першение в горле, сухой кашель. Это на первой стадии. Потом больные начинали жаловаться на жжение в груди и высокую температуру. Началось это неделю назад, и с тех пор карантинную зону пришлось дважды расширять. Заболевшим не помогали антибиотики, а марлевые повязки, которые теперь носили все обитатели станции имени Че Гевары, не препятствовали распространению заразы.

Поползли слухи. Кто-то утверждал, что виновники эпидемии – красные, Мол, идея заразить людей Томского пришла в голову лично товарищу Москвину, который был не прочь побаловаться с различными вирусами. Были и другие версии, совсем уж фантастичные для того, чтобы воспринимать их всерьез. Русаков, например, был уверен в том, что атаку на окраинную станцию Метро предприняли оперившиеся мутанты, которым надоело терпеть верховенство людей в подземном мире.

Товарищ Федор и Банзай пошли еще дальше: предположили, что мутанты сами стали жертвой подставы со стороны некой третьей силы – людей, стремящихся обвинить их в намерении уничтожить человеческую расу.

Толик вздохнул. Сколько людей, столько мнений. Сколько группировок, столько желающих затеять новую войну. После того, как он покинул родную Войковскую, довелось насмотреться всякого, утратить множество иллюзий и убедиться в том, что никакая общая беда не способна объединить остатки человечества. А ленинский принцип построения счастливого общества в отдельно взятой стране – полное фуфло.

Вот он попытался построить подобие рая на отдельно взятой станции. И что? До полного краха всех светлых идей было, конечно, далеко, однако и больших подвижек не наблюдалось. Открытая враждебность Красной Линии, вежливая настороженность Полиса, где новаторов-революционеров тоже не слишком жаловали, купеческая расчетливость Ганзы, а тут еще это…

Толик, наконец, оторвал взгляд от заплаток на брезенте. Как тихо на станции! Интересно, как они ухитряются заниматься повседневными делами и не шуметь при этом? Люди передвигались почти бесшумно, разговаривали полушепотом и только при крайней необходимости. Даже дети, уловив настроение взрослых, забросили свои игры. Сейчас они собрались в кучку, расселись на башне «Терминатора» и о чем-то перешептывались.

Стремление соблюдать тишину было проявлением заботы о больных? Не только. Все ждали от Томского какого-то решения. Активных действий, способных переломить ситуацию. Еще бы! Ведь он – легенда Метро, супермен, способный всегда выходить сухим из воды, рыцарь в сверкающих доспехах, готовый в любой момент прийти на помощь униженным и обездоленным. Так-то, Толян. Назвался груздем – полезай в кузов. И никто не удосужится подумать о

том, что он не Бог и не его наместник на этой прокаженной Земле. И уже сделал все, что мог. Принял трудное, но единственно возможное решение, после того, как умерла первая из заболевших жительниц станции. Решение это, еще, возможно, выйдет ему боком…

За ширмой послышались тихие голоса. Брезент раздвинулся. В сопровождении двоих солдат появился тот, от чьего вердикта зависело все: превратится ли независимая станция в большой могильник, который жители Метро будут обходить стороной, или…

Невысокий и щуплый, со всклокоченной седой шевелюрой и бровями-кисточками, старичок снял марлевую повязку, пригладил пальцами усы, которые почему-то не поседели, и сразу стал похожим на Эйнштейна. Он направился к Томскому, по пути вытирая руки переброшенным через плечо вафельным полотенцем.

Известному врачу, в прошлом академику было под восемьдесят, но двигался он настолько быстро, что мог бы дать фору и двадцатилетнему юнцу.

Академик жил на Красной Линии, работал на коммунистов и был похищен со станции Комсомольской в ходе дерзкой диверсии группы, возглавляемой Вездеходом. Доктор прибыл в гости к Томскому с мешком на голове и кляпом во рту, отчего пребывал не в самом лучшем расположении духа. Поначалу ругался не хуже пьяного биндюжника, но как только узнал, зачем его похитили, успокоился и приступил к своим профессиональным обязанностям.

Еще до того, как академик присел на ящик рядом с Толиком, тот успел прочесть все на его лице.

– Марлевые повязки – это правильно. Хотя я и не уверен, что эта разновидность бронхита передается воздушно-капельным путем. Я, честно говоря, вообще ни в чем не уверен. Какая, говорите, у вас смертность?

– Три человека за последнюю неделю.

– М-да. Думаю, что она будет расти.

– Как же быть, э-э-э…

– Альберт Степанович, к вашим услугам.

Несмотря ни на что, Толик не смог сдержать улыбки. Конечно, Альберт. Никак иначе. Иметь физиономию Эйнштейна и зваться при этом Иваном…

– Неужели нет никаких лекарств, Альберт Степанович? Придумайте что-нибудь. Вы ведь – светило!

В голосе Анатолия было столько отчаяния, что академик счел нужным похлопать его по плечу.

– Видите ли, товарищ, Томский… Я, может быть, и светило, но до Господа Бога мне далеко. Ваш покорный слуга повидал многое, однако… Гм… С таким сталкиваюсь впервые. Думаю это новый вид заболевания, принесенный с поверхности. Если хотите – мутировавший бронхит. Этого следовало ожидать. Новые формы жизни – новые болезни. Вполне возможно, со временем лекарства против них и будут изобретены, а пока… Тут нужен специалист новой формации, который бы работал с флорой и фауной, порожденными радиацией. Что называется – клин клином. Но лично я не знаю никого, кто бы продвинулся в этом направлении достаточно далеко.

– Как же так? За двадцать лет никто…

– Отдельные попытки были, но… Вы ведь знакомы с положением на Красной Линии. Компартия Метро вынуждена обороняться, пресекать попытки внешних и внутренних врагов дестабилизировать ситуацию. Все силы, все ресурсы направлены на то, чтобы разрабатывать, скажем так, не новые лекарства. Товарищ Москвин достаточно дальновиден, но допускает ошибку, свойственную всем великим лидерам, – не вкладывает средства в проекты, которые не приносят быстрой отдачи. Вот почему нам пока не удалось достаточно хорошо развить новый вид медицины, о котором мы сейчас говорим.

– Чудненько! – с горечью воскликнул Толик. – Значит, моя станция обречена?

– Ну, не стоит быть столь пессимистичным. Эпидемия может закончиться также неожиданно, как и началась. Вы должны бороться. Строжайший карантин. При малейших признаках заболевания человек должен быть изолирован, а все контакты с ним сокращены до минимума. Пока это все, что я могу посоветовать.

Толик помолчал, рассматривая носки своих ботинок.

– Спасибо, доктор. Извините за доставленное беспокойство, но у нас попросту не было другого выхода. Вас доставят на Черкизовскую, а оттуда, я думаю, вы без особых проблем доберетесь до своих.

– Свои, чужие, э-эх, – академик поморщился. – Наши, ваши… Мы, товарищ Томский, обречены, поскольку не можем объединится перед лицом общей опасности. Будем грызть друг дружке глотки до тех пор, пока наше место не займут существа, более способные к тому, чтобы находить общий язык.

– Признаться, всего несколько минут назад я размышлял о том же, – грустно улыбнулся Толик. – И пришел к таким же выводам. Но, согласитесь, Альберт Степанович, что самая неприсоединямая из всех неприсоединяемых общин Метро – ваша Красная Линия. Найти с красными общий язык, основанный на логике и здравом смысле, невозможно в принципе.

– Вы правы. И я даже начинаю подумывать о том, не остаться ли мне здесь, где мои знания и опыт послужат благим целям, а не созданию какого-нибудь нового бактериологического оружия.

Томский не на шутку испугался. Он моментально представил себе последствия перехода видного ученого на сторону самых яростных противников коммунистов. Одно дело, если Альберт Степанович пропадет на несколько дней и вернется с какой-нибудь удобоваримой легендой, объясняющей его отсутствие, и совсем другое, если он останется на станции имени Че Гевары. Действие красных в этом случае вполне предсказуемы. Для начала – пропагандистская шумиха вокруг похищения, потом требование выдать перебежчика, а потом и угрозы, которые, в конечном итоге, оформятся…

Анатолию не хотелось думать о том, чем все это может закончиться. Сейчас он слаб, как никогда.

Скрыть озабоченность от проницательного старика не удалось. Альберт Степанович поспешил успокоить Толика.

– Но все это – лирика. Я – коммунист и умру коммунистом. В таком возрасте менять убеждения и поздно, и некрасиво. Прощайте, Анатолий.

Толик пожал академику руку, перемолвился парой слов с парнями, сопровождавшими гостя, и долго смотрел на то, как тот идет к выходу, ведущему на Черкизовскую.

Неужели ничего нельзя сделать? Ах, как не хватает Аршинова! Уж он-то всегда мог подбодрить его какой-нибудь тяжеловесной, солдафонской шуткой и предложить план, кажущийся на первый взгляд безумным.

Как всегда неожиданно, невесть откуда выпрыгнула Шестера. Зверек принялся тереться о ногу. Анатолий обернулся, поскольку знал, что появление ласки-мутанта всегда является предвестником близости ее дружка – Вездехода.

Примета оказалась верной. Коротышка был неподалеку. Он тут же запрыгнул на ящик рядом с Томским, достал из нагрудного кармана потертую фляжку и протянул другу.

– Хлебнешь, Толян? Говорят, повышает иммунитет…

– Ага. Повышает. Хотелось бы верить. Хлебну.

Первач Вездехода оказался отменным – карлик выпивал редко, а если и позволял себе причаститься, то гадости не употреблял.

Томский сделал пару глотков, вернул фляжку.

– Плохие новости, Коля…

– Не трать время зря. Я все слышал. Красный профессор умыл руки.

– Ума не приложу…

– А ты и не прикладывай. Лучше меня послушай. Ведь клин клином – это идея. Нам нужно отыскать умника, который бы вошкался с травками-цветочками, расплодившимися за последние двадцать лет. Так?

– А у тебя, что ли, есть такой на примете?

– Гм…

Вездеход снял свою неизменную бейсболку, помахал ею перед лицом, словно ему было жарко. Поправил сбившуюся на глаза прядь черных волос и заговорил лишь после того, как водрузил шапку на голову, придав ей правильное положение – чуть наискосок.

– Полно в нашем Метро извращенцев. Этим гомикам-педикам все по барабану: и Катаклизм, и радиация. Только и думают, в какую дырку свой член затолкать и кому задницу подставить.

– Ценное наблюдение, Вездеход… Только никак в толк не возьму: причем тут извращенцы?

– В свое время довелось мне по Ганзе шариться. – Николай не обратил внимания на язвительное замечание Толика и продолжил, помахивая ногами, как усевший на забор ребенок. – Значит, звали того паренька Кутюрье. Насквозь голубой, но портной – отменный. Ты, Томский, обратил внимание на то, какая у ганзейских вояк форма красивая? Так вот: этот самый Кутюрье ее и разрабатывал. Все, от штанов до беретов, по его лекалам шилось. А свободное от работы время наш Кутюрье развлекался. Все партнеров себе искал. Напомаженный, набриолиненный, приглаженный весь, тьфу! Не поймешь, то ли баба, то ли мужик. Если бы не это – мог бы как сыр в масле кататься. Выперли его с Ганзы за гомосячество. А еще раньше, по той же причине, с Рублевки погнали. Кутюрье там после Катаклизма жил, в элитных кругах вращался, а сгинул где-то в Черкизоне, где ему по самое не могу всунули… Говорят, он у мутантов любви искать начал. Ну и нашел.

– Слышь, Вездеход. Ты за здравие начал, а кончил – за упокой, – не выдержал Томский. – Причем тут твой Кутюрье? У нас, Колян, проблем с гомосексуализмом нет, и форма нам не нужна. Другое совсем…

– Стоп, Толян. Теперь о главном. Этот педик со мной захотел подружиться. Клинья, как говорится, подбивал. Он, как в Метро пришел, сразу теми, кто на других не похож, заинтересовался. Я, само собой, носяру ему на бок своротил, но перед этим Кутюрье мне душу раскрыл. Всю гомобиографию свою рассказал. В том числе и о рублевских жителях. Певцов, актеров, продюсеров всяких там – тьма тьмущая. А еще известные доктора, экстрасенсы и целители имеются в избытке. В основном толку от таких после Катаклизма мало, но… Жил там один докторишка по кличке Хила. Фи… Фито… В общем травами всякими народ лечил.

– Фитотерапевт!

– Точно. И Хила этот, не в пример другим элитным врачевателям, рук не опустил. Стал свои настойки из новых трав готовить. В самых грязных местах их собирал.

– И помогало?

– Кутюрье говорил, что молились на этого целителя. Мертвого, мол, мог поднять. Пока алхимией не увлекся. Какое-то несчастье с ним случилось, едва откачали…

– А жив этот Хила сейчас?

– Откуда мне знать? Я Кутюрье год тому назад видел…

– Интересную головоломку, Вездеход, ты мне подбросил. – Томский потер заросший недельной щетиной подбородок. – Что предлагаешь? Идти на Рублевку и искать этого Хилу? Опять ломиться туда, не знаю куда, искать то, не знаю что?

– Во-первых, Рублевка – понятие растяжимое. Хила в тамошней столице, Жуковке, живет. Во-вторых, Толян, идти неизвестно куда, и искать невесть что нам не впервой. А в-третьих, Рублевка сейчас уже совсем не та, что была недавно. Ты ведь в курсе, что…

Толик был в курсе. Все Метро всколыхнуло известие о жуковском восстании и его вожаке, бывшем офицере Ганзы Юрии Корнилове. Мнения по этому поводу разделились. Если Содружество Станций Кольцевой Линии никак не высказалось о смене власти на Рублевке, то красные пытались приветствовать революцию с позиции своей любви к бедным и ненависти к буржуям. Метрокоммунисты воспряли духом. Опять заговорили о провидческом даре Ленина и неизбежности всеобъемлющей социалистической революции. В Жуковку даже были отправлены ходоки-агитаторы, но как только выяснилось, что Корнилова не удастся перекрасить в красный цвет, товарищ Москвин тут же сменил тон и обвинил жуковских революционеров во всех смертных грехах, включая оппортунизм, уклонизм и троцкизм. Фашисты тоже предали Корнилова анафеме, но уже по другой причине – после своей победы новые руководители Жуковки не провели расовых чисток.

Руководство Белорусской было верно себе и рассматривало новую власть Жуковки с точки зрения «а чем бы поживиться». Этим нахлебникам тоже не удалось обмишурить Корнилова байками про общие интересы. Были и другие более группировки, помельче, которые попытались откусить свой кусок пирога рублевской неразберихи.

Страсти затихли после того, как окончательно выяснилось: новая власть не нуждается в помощи, агитации и не намерена раздаривать ресурсы направо и налево.

Томский испытывал симпатию к Корнилову и почти не сомневался в том, что, если потребуется, найдет с ним общий язык. Но отправляться в дальний путь, основываясь на паре слов подозрительного знакомого Коли Носова, было сущей глупостью. С другой стороны, чтобы спасти станцию, требовалось хвататься за любую соломинку. Он уже сделал все, что мог, а сидя здесь и наблюдая за тем, как люди умирают от неизлечимой болезни, ничего не добьешься.

– Знаю, Толик: ты не в восторге от ганзейских купчишек, но, по-моему, этот Корнилов – тот еще фрукт, – заметил Вездеход. – Точнее – вы с ним одного поля ягоды.

– Гм… Очень может быть. Знаешь, Коля, а волоки-ка ты сюда нашу карту.

– Ноу проблем!

Дожидаясь Вездехода, Томский взял на руки Шестеру и принялся поглаживать ее по спине. Он пока боялся признаваться себе в том, что уже принял решение.

Как ни верти, Толик, а ты одного поля ягода не только с Корниловым, но и с коротышкой Носовым. Тоже не можешь усидеть на месте, ищешь любого повода, чтобы ввязаться в новую авантюру. Вишь, как Вездеход рванул за картой? Шустро и с улыбкой. Уже предвкушает хождение за три моря.

Появился Носов со свернутой в рулон картой. Однако внимание Толика привлек не он, а женщина с марлевой повязкой на лице, которая вышла из-за брезентовой ширмы. Она бросила взгляд в сторону Томского, быстро повернулась и чуть ли не бегом направилась к лестнице, ведущей в бывшие покои коменданта Берилага.

– Господи Боже!

Толик бросился следом. Жену он застал сидящей в своей комнате, у маленькой кроватки, в которой сладко посапывал Томский-младший. Елена сделала невинное лицо, но даже при свете тусклой лампочки было видно, что, пойманная с поличным, она пытается скрыть свое замешательство.

– Сидишь?

– Сижу.

– Сколько раз тебе говорить, Лена! Ты подвергаешь опасности не только себя, но и Лешку! Я же просил! За больными есть кому ухаживать!

– А я, по-твоему, особенная? Рисковать должны другие? Жена великого Томского имеет какие-то особые привилегии?

– Лена, Лена, – Томский сел на табурет и понизил голос, сообразив, что может своими криками разбудить ребенка. – Ты не просто моя жена, а мать. И мать кормящая. Тебе известно

решение руководства станции – дети не должны подвергаться угрозе заражения ни при каких обстоятельствах!

– Скажи еще, что это решение ты принимал не для себя!

– Хватит. Так мы, чего доброго, еще и поссоримся.

– Кстати, а зачем Вездеходу карта? Вы опять куда-то собираетесь? Не хочешь рассказать мне о цели нового крестового похода?

Толик понял – жена его раскусила и намерена перейти в наступление. Что поделаешь? Придется рассказать…

Томский заговорил. Поведал о знакомом Вездехода, фитотерапевте Хиле, живущем в Жуковке. Попытался сгладить острые углы и убедить Елену в том, что путешествие на Рублевку сродни увеселительной прогулке. Зря старался. Жена прекрасно знала, чего ждать от таких путешествий. Елена нахмурилась, помолчала, а затем встала и подошла к кроватке.

– Малыш просыпается. Вездехода с картой можно позвать сюда.

Через пять минут Томский и Носов уже склонились над испещренной карандашными пометками картой. Она была такой большой, что заняла весь стол, а ее края все равно свисали по бокам. Истертая на изгибах, клееная-переклеенная скотчем, карта, казалось, могла развалиться от одного неосторожного прикосновения.

Разговора о том, чтобы выбираться за пределы города по Метро, не велось с самого начала. Анатолий и Николай были слишком популярными личностями, и даже знание Вездеходом множества потайных лазеек решить эту проблему не могло.

– Через Преображенскую и Сокольники до Русаковской эстакады. Хм… Надо бы сказать комиссару, что в его честь эстакаду назвали. – Толик провел на карте тонкую линию. – Дальше – Рижская эстакада. Савёловский вокзал…

Карандаш в руке Томского замер. Чистое сумасшествие. Только до МКАДа что-то около тридцати километров. А дальше, судя по отсутствию карандашных пометок, вообще начнется заповедная, совершенно неизученная территория. Сплошное большое белое пятно.

Вездеход уловил настроение Толика.

– Гм… Дело ясное, что дело темное. Пилить и пилить нам до этой Жуковки. Но ты, командир, раньше времени не раскисай. Десятку отчаянных, хорошо вооруженных парней такая экспедиция, на мой взгляд, вполне, по зубам. Постреляем, если придется.

– Лады, отчаянный парень, – Томский улыбнулся, в который раз дивясь кипучей энергии и оптимизму маленького человека. – Детали обсудим уже со всей командой. Займись этим, Коля. Покрепче и помоложе парней подбери. А я… Ох и не завидую сам себе! Пойду говорить с Русаковым.

Вездеход принялся сворачивать карту, а Толик направился к выходу, но замер у двери. За его спиной кто-то закашлялся. Заплакал Лешка. Лена хотела сказать малышу что-то ласковое, но ее одолел новый приступ кашля.

Томский еще пытался осознать, что происходит, а Носов уже бросился к Елене и отнял у нее ребенка.

– Ты… Ты заболела? – Анатолий шагнул к жене, но остановился на полпути. – Лена и как давно… это… у тебя?

Томская, наконец, справилась с приступом кашля. Вытерла выступившие на глазах слезы.

– Что ты, Толик! Уж не думаешь ли… Это обычная простуда. Я ведь принимала все меры предосторожности.

Томский опустил глаза. Он все понял и больше не мог смотреть на белое как мел лицо жены.

Глава 3
Черкес и черный король

В сорока километрах от станции имени Че Гевары Корнилов тоже смотрел на карту. Новенькую, полиграфически идеальную. Других в небольшой, но оснащенной по последнему слову техники личной типографии Садыкова не выпускали. От изобилия разноцветных кружков, точек и линий рябило в глазах.

Юрий с усилием оторвал взгляд от карты. Кивнул полковнику Сергею Хорошеву:

– Чего замолчал?

Проблема, которая обсуждалась, была настолько важной и настолько скользкой, что не терпела лишних глаз и ушей. В кабинете нового премьер-министра собрались только самые надежные его соратники. Делая доклад, Хорошев прохаживался по кабинету и с преувеличенным интересом рассматривал развешанные по стенам картины.

Степан Бамбуло развалился в одном из кресел, задумчиво морщил лоб и поглаживал свои рыжие усы. Максим Максимович устроился у Корнилова за спиной и смотрел на карту с видом барана, рассматривающего новые ворота.

– Так вот, по сведениям наших разведчиков отряд Коробцова дислоцируется на территории, которую контролирует банда Дракона. Не меньше двухсот сабель у нашего архитектора. И каких! Ты, Юра, сам из Метро и в курсе, какое там водится отребье. Так вот Коробцов заручился поддержкой самых отмороженных. Чего только сатанисты с Тимирязевской стоят. Какой-то Коготь[2] у них за старшего. Слыхал?

– Доводилось, – кивнул Корнилов. – Они с Коробцовым – старые дружки.

– Ну, Детки Дракона, само собой, – продолжал полковник. – Плюс – мутанты.

Все одновременно подняли головы.

– Да-с. Мутанты. Не зверье. Наполовину люди. Вроде как с Филевской линии.

– Живут там мутанты, – согласился Юрий. – Только никак не пойму, они-то как в этой банде оказались? Никогда ведь дружбы с сатанистами не водили.

– А они и не по дружбе. Пленные. Идут на нас без оружия. Коробцов их навроде штрафных батальонов использует. Впереди, значит, мы, а сзади компания Когтя в роли заградительного отряда. Если, что не так – свинцовую примочку в спину. Такие слухи… Может, и брехня, и у мутантов какие-то свои интересы. Жизнь покажет…

– Кольки у нас часу? – вступил в разговор Стук. – На организацию обороны.

– Пару суток. Может, меньше. – Хорошев подошел к карте. – Железку мы им перекрыли, но чтобы организовать полноценную оборону…

– Поэтому ничего и не будем организовывать! – громко заявил Корнилов. – Встретим их на подходе. Как можно дальше от Жуковки. Ты, Хорошев, пару сотен бойцов снарядить сможешь?

– Пожалуй. Еще и гастов вооружим.

– Ты еще и элиту сюда добавь, – усмехнулся Бамбуло. – Я бы на это народное ополчение слишком бы не рассчитывал. Тоже не хочу пулю в спину получить.

– А ты, Степан, кстати, никуда и не идешь, – не отрывая взгляд от карты, заметил Юрий.

– Шо?!

– Шо чув. Старшими здесь останетесь вместе с Хорошевым. Мне надо знать, что тылы у нас прикрыты. Заодно и обороной займетесь. На всякий пожарный. Не смотри на меня, Степа, так! Мало у меня надежных людей пока. Мало.

---

[2] Коготь – персонаж романа «Метро 2033: Темные туннели», главарь сатанистов Тимирязевской.

– Э-э-эх, а пострелять хотелось бы…

– А ты не волнуйся, Стук, – успокоил Хорошев. – Может еще, типун мне на язык, и здесь повоюешь. Как на вулкане живем. Наши аристократы зашевелились. Кучкуются. Не по нраву им новые законы. Да и номы, мать их так, ерепенятся. Вон до сих пор от людей, в Барвиху посланных, ни ответа, ни привета. Хреново все это. Там какой-то Фронкс объявился…

– Бронкс, – поправил полковника Максим Максимович. – Мистер Бронкс. И не объявился. Он там с самого начала, потому и в авторитете. Ему и Ахмаев не очень-то нравился, а уж мы… Не хочу огорчать вас, Юрий, но и в Жуковке наметился лидер оппозиции. По его собственному выражению, намерен представлять интересы элиты.

– Очередной пивень! – презрительно скривился Бамбуло. – Ты, Максимыч, только имя назови, я ему самолично и моментально клюв набок сворочу. Интересы…

– Я не сомневаюсь, господин Бамбуло, что вы мастер по сворачиванию клювов, но пойдя на открытую конфронтацию, мы только усугубим ситуацию.

– Конфронтацию… Слово-то какое… Стихами, говоришь, старик.

– Так вот, кличка этого оппозиционера – Черкес, – не обращая внимания на реплики Стука, продолжал Максим Максимович. – Из модных певцов. Сценическое имя – Митя Лав. Но пусть слово «любовь» вас не обманывает. Лав давно не поет, а свою новую кличку получил не только за то, что родился в Кабардино-Балкарии. Это очень жесткий, если не сказать – жестокий человек. Перещеголять его в безнравственности мог только покойный Умар. Ничего удивительного, что теперь Черкес выдвинулся на передний план. Не стоит его недооценивать. Не только аристократы не восторге от новых порядков. Боюсь, что и среди других группировок Черкес найдет единомышленников.

– М-да, свято место пусто не бывает, – проронил Корнилов. – Но сейчас этот Лав-Черкес – не самая большая головная боль для нас.

– Ошибаетесь, – вздохнул Максим Максимович. – Он давно рвется к вам на прием. И на этот раз, мне думается, с ультиматумом.

– Этот парень здесь? – удивился Юрий.

– Да. За дверью. Я решил, что вам стоит с ним переговорить. Война на два фронта сейчас никому не нужна.

– Вы, как всегда, правы, Максим Максимович, – согласился Корнилов. – Зовите Черкеса. Любопытно будет на него взглянуть.

Максимыч вышел за дверь и вернулся с мужчиной, который, даже не удостоив присутствующих взглядом, бухнулся в ближайшее свободное кресло и ловко забросил ногу за ногу так, что у оказавшегося сбоку Юрия появилась возможность любоваться подошвой сапога гостя. А сапоги эти действительно заслуживали внимания и могли рассказать о своем хозяине многое. Сшитое из разноцветных кусков кожзаменителя голенище было слишком широким для худой щиколотки. На кокетливо скошенных каблучках поблескивали подковки. Ходить в такой обуви было, наверняка, не слишком удобно, но Черкес таскал свои чудо-сапоги не из соображений комфорта, а для подчеркивания собственного статуса.

Корнилов поднял глаза. Когда-то Черкес был сухощавым и поджарым попрыгунчиком. Теперь прыгать ему мешал возраст и наметившийся животик, но полные гламурного аристократизма жесты сохранились. Бывший певец вырядился в разноцветную сорочку и обтягивающие джинсы с разрезами на коленях. На лишенной растительности груди болтался крестик, украшенный затейливым орнаментом, но по выражению лица и плавающим на поверхности глаз холодным льдинкам было понятно: Черкес не верит ни в Бога, ни в черта, и если кого считает верхом эволюции, так только себя. Стрижка ежиком, легкая небритость на впалых и бледных щеках переходила в аккуратную бородку, которую Черкес теребил указательным пальцем с по-женски длинным и ухоженным ногтем. На вид оппозиционеру было лет под пятьдесят, а глубокие, извилистые морщины на узком лбу подтверждали это предположение.

Юрий понял, что визитер не удостоит его чести заговорить первым, и поинтересовался:

– У вас какое-то дело ко мне?

– Дело? Бросьте эти штучки, Корнилов, – пропел Черкес хорошо поставленным, с едва заметной хрипотцой голосом. – Не пытайтесь выставить меня просителем. Этот номер не прокатит. Если у кого-то здесь и есть дело, то это у вас ко мне. Да-да. Вы уже слышали о том, что сделали с вашими послами в Барвихе?

Хорошев, Корнилов и Бамбуло обменялись взглядами, и от Черкеса не укрылось недоумение присутствующих.

– Их казнили. Группировка Мистера Бронкса не желает иметь с вами дела. Думаю, что и в других номах дела обстоят примерно также. А чего вы хотите? Элита никогда не примет чужака, а уж тем более не позволит ему командовать.

– Ну и нехай валит твоя элита к этому Бронкусу! – не сдержал эмоций Стук. – Поерепенитесь немного, а когда жрать захотите, на карачках к нам приползете. А что до казни наших послов… Если это не брехня… Барвихинские педрилы себе уже приговор подписали.

Корнилов собирался взять взвившегося Степана под узды, но потом передумал и решил подыграть Стуку. Пусть Черкес не думает, что может диктовать свои условия.

– А он прав. – Юрий встал, обошел стол и остановился напротив Черкеса. – Если насчет Барвихи ты не соврал… Чужаку придется говорить с котами в сапогах на другом языке. Так и передай всем местным аристократам. Ногу!

Последнее слово Корнилов прокричал. От неожиданности дернулись все, а Черкес изменился в лице.

– Что?

– Ногу опусти! Ты не в своем борделе! Сидеть прилично!

– Я лишь хотел, – Черкес опустил ногу, устроил ладони на коленях и выпрямился, – просто предупредить. Вам нельзя не считаться с элитой. Ведь только благодаря нам Рублевка и возникла. Мы хотим…

– Списком, дружок, списком, – Корнилов сменил тон на ласковый и похлопал приунывшего Черкеса по плечу. – Все ваши предложения передайте мне списком. А я… Мы рассмотрим их, дадим вам ответ. Все надо делать без хамства, цивилизованно. Да кому я объясняю? Кто из нас элита, господин Лав? Мне ли вас учить правилам хорошего тона?

Черкес запутался окончательно. Контрастный душ из криков и приторной вежливости смутил его, а Юрий не дал парламентеру опомниться:

– Ну и чего сидим? Идите, дорогуша, идите и готовьте свой список.

Черкес встал. Втянув в голову в плечи, сопровождаемый дружественными взглядами, пошел к выходу. Однако у двери выпрямился и обернулся.

– Ты… Вы… Вы еще пожалеете. Горько пожалеете о том, что относились к нам с пренебрежением.

Корнилов собирался ответить новой колкостью, но дверь за Черкесом уже захлопнулась.

Юрий вернулся на место.

– Степа, Максим Максимович… Займитесь этим Черкесом. Узнайте настроения. Убедитесь в том, что за ним стоит реальная сила и проверьте, правда ли то, что Барвиха встала на дыбы. А я с полковником… Черт, только внутренних распрей нам не хватало!

Оставшись вдвоем с Хорошевым, Корнилов около часа решал, какими силами и где будет давать отпор отрядам Коробцова. Уже делая поправку на то, что удара ножом в спину можно ждать и со стороны барвихинских сепаратистов.

Наконец, после долгих споров, состав группы, ее численность, вооружение и направление удара были утверждены.

Корнилов заложил руки за затылок и с хрустом потянулся.

– Не будет нам спокойного житья, Сережа, ой, не будет!

Хорошев кивнул, принялся сворачивать карту.

– А где оно, это самое хорошее житье, сейчас? Такая уж видно наша карма… О черт!

Юрий с удивлением посмотрел на полковника, который застыл с разинутым ртом. Взгляд Хорошева был направлен на лист бумаги, лежавший на зеленом сукне стола.

– Что там, Сергей?

Корнилов склонился над листом. На нем, твердым, пожалуй, чересчур каллиграфическим почерком было написано: «*А почему бы не попробовать автожир?*» Вместо подписи, в правом нижнем углу была нарисована фигурка черного шахматного короля.

– Конструктор опять объявился, – замогильным голосом произнес полковник. – Снова советует. В гробу я видал его советы!

– Стоп, полковник. Садись и давай все по порядку. Кто такой Конструктор, почему не знаю? И этот жирный авто… С чем его едят?

– С автожиром проще, – махнул рукой Хорошев. – Ты, может, слыхал его другие названия. Гироплан, гирокоптер, ротаплан.

– Ни слухом, ни духом. Будь любезен, подробнее.

– Его один испанец изобрел еще в тысяча девятьсот девятнадцатом. Ну, принцип действия этой машины – авторотация. У автожира два винта: несущий создает подъемную силу, маршевый – горизонтальное движение. Разбег для взлета – десять-пятьдесят метров. К тому же эта машинка неприхотлива, проста в использовании и очень маневренна. В этом плане автожир превосходит самолеты и только немного уступает вертолетам. Представь себе, Юра: может висеть на одном месте при сильном встречном ветре. Если самолету потеря скорости опасна, то гироплан не свалится в штопор, а просто начнет снижаться. При отказе мотора не упадет, а начнет планировать. Скорость где-то сто восемьдесят, расход топлива – пятнадцать литров на сто километров. Плюс широкий обзор, меньшая, чем у вертолетов, вибрация и возможность посадки в незнакомом месте. Считай, тот же автомобиль, только летающий.

– Как я понял, эта штуковина у нас есть?

– Да. Садыков любил подобную технику, а специфика его бизнеса позволяла обзавестись лучшими экземплярами. За Пирамидой есть подземный ангар с подъемной крышей, там и спрятана машинка. За основу автожира Садыкова взята модель немецкой фирмы «Автогуро», которая больше всех продвинулась в этом направлении. Конструкторы Рамзеса ее усовершенствовали. Маршевый винт – толкающий, лопасти несущего – утяжеленные. Есть еще несколько фишек, благодаря которым автожиру обеспечивается подскоковый, почти вертикальный взлет. Что еще? Комфортная кабина на четыре места и подвесной механизм. Установить на этом автожире пару мощных пулеметов и подвесить легкую бомбу – плевое дело.

– А раз так, полковник Хорошев, то почему я ничего не слышал об автожире?

– Поверь мне: ты о многом не слышал, – усмехнулся Сергей. – На Рублевке – без году неделя, а хочешь знать все? Есть у нас свои тайны мадридского двора. И Конструктор – одна из них.

– Отлично. С автожиром разобрались. Теперь займемся Конструктором. Че за хрен с бугра?

– Вот и я хотел бы это знать. У этого парня много кличек: Гроссмейстер. Шахматист. Советник. Все началось еще в начале становления Империи. Личные охранники Садыкова перешептывались о некоем таинственном друге и даже наставнике нашего фараона. Утверждали, что слышали, как Рамзес с кем-то разговаривал, когда, по идее, должен был находиться в своих покоях один-одинешенек. Иногда заставали фараона, сидящим перед шахматной доской, размышляющим над продолжением неоконченной партии. Садыков был человеком замкнутым, и близких ему людей можно было пересчитать по пальцам одной руки. Однако, когда и они интересовались Конструктором, Рамзес только отшучивался. Говорил, что Кон-

структор – его старинный друг и партнер по шахматам. Мужик очень своенравный и не терпящий даже намека о контроле над собой со стороны. Все.

– А вы не думали, что этот Конструктор – просто выдумка фараона? Или, положим, его невидимый друг. Еще не факт, что у вашего фараона с психикой все было в полном ажуре. Я слышал, что при раздвоении личности люди начинают разговаривать разными голосами.

– Думали, Корнилов. Еще как думали. Только вот загвоздка – послания Конструктора появлялись и после того, как Рамзес умер.

– Мало ли желающих вещать от лица невидимки! Очень, скажу тебе, удобно. Даешь цэу, а сам ни за что не отвечаешь. Гроссмейстер, мол, посоветовал. Может, этим Конструктором был Умар…

– Почему нет? Не исключено, что придуманный Садыковым Советник стал этаким переходящим знаменем.

– Ага. В верном направлении идешь, товарищ. Например, этот Черкес…

– Есть одно «но», Юра. Конструктор дает действительно дельные советы и очень хорошо знаком с секретами Жуковки, да и всей Рублевки. Он явно принадлежит к тем, кто… Послания появляются в самых разных и строго охраняемых местах. Думаю, что наш Гроссмейстер знает неизвестные нам потайные ходы или умеет проходить сквозь стены.

– А что если это… один из ваших пирамидных жрецов? Носителей Истины…

– Подходяще. Они держатся особняком, и кто знает: может, интересы Носителей распространяются гораздо дальше, чем просто уход за пирамидными украшательствами?

– А военные? – улыбнулся Корнилов. – Почему бы Гроссмейстеру не принадлежать к их числу? Вот сейчас ты, например, очень складно рассказывал о гироплане. А я ничегошеньки о нем не знал. Кому, спрашивается, известны все тайны вашего мадридского двора?

– Понимаю. Конструктором могу быть я, так?

– Хорошо бы…

– Межу прочим, господин премьер-министр, военные примкнули к тебе не без содействия Конструктора. Можно сказать, он дал тебе свое благословение. Накануне заваренной тобой катавасии несколько высших офицеров получили почту от невидимки.

– Значит, Конструктор на нашей стороне, а над его советом насчет автожира стоит хорошенько подумать. К чему гробить людей, если можно просто сбросить на банду Коробцова пару бомб, а уж потом атаковать?

– Семь раз отмерь, один раз отрежь, – покачал головой полковник. – Я бы не очень-то доверял Конструктору. Сдается мне, что он – только на своей собственной стороне, а удовольствие получает от того, что манипулирует людьми. Что, если это сумасшедший, который не преследует никаких целей? Игрок, для которого важен только процесс игры?

– Вот так задачка! Черкес, Гроссмейстер, Барвиха… Есть над чем поломать голову. Но для начала, Сергей, давай полюбуемся на твой автожир.

Перед тем, как покинуть кабинет, Юрий еще раз посмотрел на лист бумаги с черным королем и положил его в ящик письменного стола.

У ступенек, ведущих к выходу, рядом с развешанными на специальной стойке защитными накидками и респираторами стоял часовой. При виде начальства он вытянулся в струнку. Корнилову было знакомо его лицо. Парень – из гастов. Новую должность получил недавно. Товарищи наверняка ему завидуют: охранять особняк гораздо приятнее, чем работать на стройке. Вот еще одна трещина в построенном Садыковым монументальном здании. Раньше правом влиться в ряды охранников обладали только избранные – шоферня да секьюрити рублевских аристократов. Гасты могли пробиться сюда только за исключительные заслуги. Юрий упростил эту процедуру, но стало ли от этого лучше? Сколько еще понадобится таких трещин, чтобы садыковская система развалилась окончательно, и Рублевка погрязла в междоусобицах?

Юрий застегнул «молнию» накидки.

– Слышь, Хорошев, а че им вообще надо?

– Кому?

– Да нашим артистам-стилистам, – Корнилов натянул респиратор и злобно толкнул ногой тяжеленную из-за свинцовой оплетки дверь. – Кто их трогает? Работать не заставляем, кормим бесплатно, хотя толку-то от них никакого. Почему не успокоятся?

Дверь медленно, будто нехотя, распахнулась. В незащищенные резиной лица ударил ледяной порыв ветра. В кожу впились колючие снежинки.

– Ну, тут, Юра, своя философия, – отвечал полковник. – Элите этой не только жрачка нужна. Они без поклонения и почитания чахнут, как оранжерейные цветочки, которые взяли да и высадили на мороз.

– Пусть привыкают. Без оранжереи учатся жить. Времена давно не те.

– Не те. Но ведь и место это – особое.

– Точно. Особое. Чтоб ему сквозь землю провалиться!

Корнилов не стал больше задавать вопросов, ответы на которые нельзя было найти, а Хорошев тоже не горел желанием обсуждать нюансы рублевского бытия и сознания.

Друзья направилась к Пирамиде, пригибаясь от порывов не на шутку разгулявшегося декабрьского ветра. Переход от осени к зиме был еще не очень заметен. Снег падал, но таял, не долетая до земли. Вперемежку с фонарями горели костры, у которых поочередно грелись озябшие часовые. Света было достаточно, но не так много, как несколько месяцев назад, когда Юрий увидел Жуковку впервые. Теперь, в целях экономии, были погашены все огни рублевского антуража. Запасы топлива хоть и были приличными, но тратить его на праздничную иллюминацию новая власть не собиралась.

Корнилов с Хорошевым обогнули Пирамиду и двинулись по мощеной плитами дорожке к небольшой кубической формы будке, на плоской крыше которой был установлен радар. Похожие строения были разбросаны по всей центральной части Жуковки, а Корнилов, несмотря на занимаемый им высокий пост, не знал назначения и половины из них.

Часового у будки не было. Хорошев сунул в специальную прорезь на двери магнитную карту с красной полоской – отличительной чертой универсальных ключей, которые имели всего несколько человек.

Дверь, собранная из стальных пластин, со скрежетом поползла вверх. Вспыхнули лампы, осветившие двухпролетную стальную лестницу, загудели вентиляторы, нагнетавшие воздух под землю. Внизу не было ничего, кроме глухой стены и закрепленного на ней рубильника.

Спустившись, полковник повернул его рычаг на девяносто градусов. В стене, казавшейся монолитной, появилась поперечная щель. Хорошев еще раз воспользовался магнитным ключом. Стена раздвинулась, и Юрию пришлось прикрыть глаза от ослепительного света многочисленных люминесцентных ламп.

Ангар представлял собой восьмигранное помещение с бетонными стенами и полом, и металлической крышей, разделенной на восемь сегментов. К каждому из них крепились блестящие, толщиной в человеческую руку, штоки, соединявшие потолок с реечными механизмами на стенах.

Укрытый брезентом автожир стоял в центре ангара.

– За этим объектом следит бригада механиков. Они проводят тут профилактические работы, содержат оборудование в рабочем состоянии.

– Оно и видно, – кивнул Корнилов. – Ни пылинки.

– Работа у нас такая, забота у нас простая, – полковник потянул за край брезента, – жила бы страна родная, и нету других забот… Ну, Юра, что скажешь?

Брезент с мягким шуршанием упал. Если бы Корнилов не был заранее предупрежден о назначении аппарата, то решил бы, что перед ним машина времени. Каплевидный фюзеляж из темно-красного пластика крепился к шасси с тремя колесами, до половины укрытыми обте-

каемыми колпаками. Через большие, изящно выгнутые окна была видна кабина с четырьмя креслами. Несущий двухлопастной винт был сделан из нескольких слоев металла, пластика и дерева. Он соединялся с расположенным позади кабины моторным отсеком посредством мачты в форме обрезанного до половины полумесяца. Маршевый винт был закрыт прочной проволочной решеткой. На дверцах, хвостовом киле и литых дисках колес серебристо поблескивала надпись «РС-1».

– Что молчишь, Корнилов? – Полковник ласково похлопал гироплан по фюзеляжу. – Почему не слышу твоих восхищенных возгласов?

– Еще услышишь. Я хочу научиться управлять этой штукой.

– Дело нехитрое. Первый урок могу дать тебе прямо сегодня. Наружу, конечно не выпущу, но один круг по ангару сделать позволю.

Глава 4
Аз есмь Коготь!

Мистер Бронкс сидел на своем прежнем месте в том псевдорыцарсом зале. Правда, света теперь было меньше, а настроение у главаря барвихинских значительно паршивее, чем недавно, когда вокруг кипели гламуро-гейские страсти. Несмотря ни на что, Марат являлся продуктом рублевского инкубатора и чувствовал себя гораздо уютнее в окружении пусть и сварливых, но соратников.

Теперь, оставшись в одиночестве, он не скрывал своих чувств. Выражение самоуверенности на дородном лице сменилось растерянностью. По совету Конструктора, он сказал «гоп», послав своих людей в Ромашково, к Коробцову, а теперь вот сомневался в том, что готов к столь головокружительному прыжку. Бронкс утешал себя тем, что такая мифическая личность, как Конструктор, попусту трепаться не станет. Если уж этот полубог удостоил его своим советом, надо полагать, толк от этого будет. Какими бы разными не были взгляды барвихинской братии, все сходились в одном – узурпатор Корнилов здесь лишний. Только убрав его можно вернуть все на круги своя. А для достижения этой благородной цели любые средства хороши.

Мистер Бронкс велел охране сразу провести вернувшихся посланцев к нему, поэтому не удивился, когда услышал за дверью шаги.

Он напрягся в ожидании худшего. За Коробцовым – сила. Какие-то отморозки из Метро, не менее отмороженные Дети Дракона, да еще и мутанты. На кой им сдалась барвихинская группировка с ее скромными возможностями и непомерными амбициями? Вдруг на его предложение присоединиться к походу на Жуковку Коробцов даст высокомерный отказ? Тогда ничего не попишешь – придется его проглотить.

Раздались голоса. Прежде чем Бронкс сообразил, что они ему незнакомы, дверь распахнулась. Причем не обычным манером. Ее открыл один из охранников. Собственной спиной. Влетев в зал, он не смог удержать равновесия. Падая, сбил несколько стульев и рухнул на стол прямо перед Бронксом. От неожиданности тот вскочил. Успел заметить, что у охранника нет оружия. Потянулся было к своему, заткнутому за брючный ремень, «тэтэшнику».

Вслед за обезоруженным охранником в зал ворвался среднего роста мужчина в защитном костюме с автоматом наизготовку.

– Руки на стол! – рявкнул он. – Быстро руки на стол, жирное чучело!

Марату пришлось выполнить приказ. Гость явно не собирался шутить. Помимо болтавшейся на боку противогазной сумки, у него еще имелся внушительного вида тесак в брезентовых ножнах, из накладных карманов разгрузки торчали запасные рожки, а на вшитых в пояс крючках болтались гранаты. Уважение внушал и облик незнакомца. В особенности его крючковатый, острый как лезвие серпа нос и колючий взгляд спрятанных под мохнатыми бровями глаз.

Вслед за ним появилась хорошо знакомая Мистеру Бронксу парочка. У людей, посланных им для переговоров с Коробцовым, руки были связаны за спиной, а на смущенных лицах красовались ссадины и кровоподтеки.

Последними вошли спутники крючконосого – трое рослых парней с каменными выражениями лиц. Один из них захлопнул дверь ударом ноги, быстро придвинул к ней стол и уселся на него, чтобы утяжелить баррикаду. Из коридора доносился топот сапог и возня поздно спохватившихся барвихинских охранников. Марат жестом приказал ошеломленному гвардейцу убраться со стола.

– По какому праву…

Мистер Бронкс собирался задать вопрос грозным и непреклонным тоном, но у него что-то случилось с горлом. Слова вылетали с хриплым придыханием. Все выглядело так, словно Марат запыхался от бега, что при его комплекции было совсем неудивительно.

Крючконосый уселся напротив Бронкса, устроив «калаш» на коленях. Неспешно стянул перчатки, швырнул их на стол, подпер подбородок кулаком и задумчиво посмотрел на Марата.

– Права? Теперь у вас, мой друг, есть только обязанности.

Мистер Бронкс собирался ответить, но замялся, увидев татуировки на кистях незнакомца. Обе они были абсолютно одинаковыми и изображали усмехающегося клыкасто-рогастого дьявола.

– Кстати, с кем имею честь? – вежливо поинтересовался крючконосый. – Вы здесь старший, или я даром трачу время на пустую болтовню с очередной «шестеркой»?

– Я – Мистер Бронкс. Руковожу барвихинской группировкой. А вы кто такой?

– Аз есмь Коготь! – веско объявил крючконосый.

– Вы служите Коробцову?

– Я служу Сатане и только ему!

– Ну, по слухам, господин Коготь, Руслан Ашотович мало чем отличается от Сатаны, – усмехнулся Бронкс. – По крайней мере, такой же скользкий.

– Не потерплю насмешек, – голос Когтя задрожал от ярости, но уже в следующую секунду он понизил его. – Скажите своим людям, чтобы перестали ломиться в дверь. Не дают спокойно поговорить. Не люблю, знаете ли, шума. Нервничаю. А когда я нервничаю…

– Ты смотрел фильм «Брат-2»? – ни к селу, ни к городу вдруг поинтересовался Бронкс, игнорируя угрозы Когтя. – Эта киношка была очень популярной четверть века назад. Лично я смотрел «Брата» раза два или три… Там про русского киллера, который доказывает зарвавшимся американцам, что сила в правде.

– Это ты к чему, толстяк?

– К тому, Коготь, что, ворвавшись сюда, ты был неправ. Ты неправ, у меня крутой нрав. Хоть волком вой – правда за мной.

Дверь зала содрогнулась под градом ударов. Три помощника Когтя с трудом удерживали стол.

– Что еще за стишки ты мне втюхиваешь? – презрительно скривился Коготь. – Думаешь, что твои архаровцы тебе помогут? Прежде чем они ворвутся сюда…

– Я отстрелю тебе яйца еще до того, как твои архаровцы попытаются прийти на подмогу. Убирай свою рать, умей достойно проиграть!

Коготь был уверен в том, что держит ситуацию под контролем, и позволил Бронксу убрать правую руку со стола. Тот незамедлительно этим воспользовался и перехватил инициативу.

– Пусть твои люди бросят авто…

Импровизированная баррикада не выдержала натиска. Стол опрокинулся. Три подручных Когтя отскочили в сторону и взяли дверь под прицел. Их главарь тоже не собирался сидеть, сложа руки. Точнее, ноги. Он попытался выбить у Бронкса пистолет. Грохнул выстрел. Яйцам Когтя на этот раз повезло – пуля выбила фонтанчик щепок из паркетного пола. Сатанист уперся обеими руками в стол, пытаясь придавить им противника. Не прокатило – Бронкс успел вскочить на стол. Его ноги в тяжелых ботинках оказались на одном уровне с лицом Когтя. Удар. Из крючкообразного носа хлынула кровь, однако Коготь сумел удержаться в вертикальном положении. Более того, он ухитрился схватить Бронкса за ноги и дернул на себя. Толстяк плюхнулся на задницу, вскинул руку, но Коготь ударом по запястью выбил пистолет. Вместо того чтобы попытаться завладеть оружием, он вытер рукавом кровь и оскалился в улыбке:

– Ничья, мистер Бронкс. Признаться – не думал, что рублевские аристократы умеют постоять за себя.

– Жизнь научила, – буркнул Марат, слезая со стола. – Нам здесь хулиганов не надо. Мы сами – хулиганы.

– Я в этом убедился. Пусть наши люди уйдут. Поговорим с глазу на глаз.

– Поговорим.

Увидев, что Бронкс и Коготь скрепляют перемирие рукопожатием, барвихинские охранники и сатанисты вышли в коридор. Марат заботливо протянул гостю свой носовой платок.

– Благодарю, – заметил Коготь с такой любезностью, словно минуту назад и не собирался рвать толстяка на куски.

– Присаживайтесь, – с еще большей любезностью предложил Мистер Бронкс. – Позволю себе один совет: в ногах, как говорится, правды нет.

Заметив раздражение во взгляде Когтя, Марат улыбнулся:

– Не принимайте мои рифмы за издевку. Это просто привычка. В прошлые времена я был певцом. Очень, смею заметить, известным.

– А я – бухгалтером, – Коготь расстегнул защитный костюм, сунул руку за пазуху и вытащил очки. – Все мы кем-то были, а сейчас варимся в общем котле. Насколько я понимаю, ваша группировка намерена присоединиться к нам и помочь в низвержении узурпаторского режима Корнилова?

Наблюдая за тем, как Коготь надевает очки и действительно становится похожим на бухгалтера, Бронкс кивнул:

– Да. Нынешняя власть в Жуковке мне не по душе. Однако помогать задаром, как вы понимаете, я не собираюсь.

Коготь выудил из кармана карту и разложил ее на столе.

– Все будет зависеть от размеров вашей помощи.

– Что скажете об отряде численностью в пятьдесят человек?

– Им приходилось участвовать в боестолкновениях?

– Нет, но…

– Наша миссия – не увеселительная прогулка. Корнилов не собирается встречать нас с распростертыми объятиями. Нужны профессионалы.

– Чем могу, – развел руками Марат. – Мне известно, что в составе вашего отряда есть мутанты, которых требуется держать на коротком поводке. Уверен, что эта задачка моим ребятам по силам. А у ваших профессионалов освободятся руки.

– Гм… Может быть. В Метро рассчитываются патронами. Во сколько вы оцениваете помощь?

– А вы и впрямь бухгалтер. Только вот с патронами у нас напряженки не наблюдается. Этого добра… Здесь не Метро, Коготь. Меня интересуют другие привилегии. Например, приличный пост в новой системе управления Рублевской Империей.

– Эк, куда хватил! – Напускная бухгалтеристость моментально слетела с главы банды сатанистов. – Вы – наемники. Сделаете свое дело, получите расчет и свалите. На всех, мой дорогой толстячок, постов не напасешься. Ишь, еще один фараон выискался!

– Коли вместе нам жить, не надо с выводами спешить. Наемники – вы. А мы – коренные жители Рублевки. Боремся за свои права. Речь идет о патриотизме, как бы пафосно это не звучало.

– Ты, свинья, забыл, с кем разговариваешь!

– От свиньи слышу!

Коготь и Бронкс одновременно посмотрели на пистолет, готовые перевести разговор в другое русло, но успели перехватить взгляды друг друга.

– Хорошо, – проворчал сатанист. – Я поговорю с Коробцовым, но полсотни дилетантов – не то предложение, которое его бы вдохновило.

– Может, солдафоны и не самое главное наше богатство, и плату патронами мы не принимаем, но… Имеем в активе то, что несомненно заинтересует вашего Коробцова, – Бронкс снял солнцезащитные очки, повертел их в пальцах, намеренно затягивая паузу. – У нас есть много друзей в Жуковке, а они смогут доставить Корнилову ба-а-альшие хлопоты.

– А вот это уже интересно! Как скоро вы можете с ними связаться?

– Самое большое через двенадцать часов они будут знать, что от них требуется.

– А они выполнят ваши указания? – недоверчиво поинтересовался Коготь.

– Резонный вопрос, коллега. Рублевская элита не привыкла выполнять приказы, от кого бы они ни исходили. Но еще больше они не любят, когда ими пытается верховодить человечишка без роду-племени. Может, после победы мы все и перегрыземся, но пока нас объединяет общая ненависть, за взаимопонимание волноваться не придется.

Коготь с уважением посмотрел на толстяка. Марат улыбнулся в ответ. Два негодяя поняли, что прекрасно поладят, но попутчиками будут только до первого поворота.

– Отлично! Деловой подход, Мистер Бронкс. Обсудим детали? – и новоиспеченные партнеры склонились над картой.

Когда обсуждение было закончено, Бронкс встал, взял пистолет и сунул его за ремень. Коготь с нарочито миролюбивым видом поднял упавший на пол автомат и прислонил его к столу.

– А пока мои люди готовятся к походу, предлагаю перекусить. Война войной, а обед по расписанию.

– А вы мне решительно нравитесь!

– Не стану врать, к чему скрывать: взаимно!

Бронкс отправился отдавать указания, а Коготь аккуратно сложил карту, вернул ее на место и, откинувшись на высокую спинку стула, закрыл глаза. Переговоры можно было считать удавшимися. Коробцов будет доволен пополнением. Коготь лукавил, когда говорил, что дилетанты их не интересуют. На самом деле обосновавшейся в Ромашково армии был дорог каждый штык, и слишком привередничать в выборе союзников не приходилось.

Коготь не очень-то рассчитывал даже на своих людей. Сатанисты были хороши, как надсмотрщики и палачи. Он сам был виноват в том, что дал им такое воспитание. Нападать из-за угла и мучить беспомощных пленников – в этих делах жители Тимирязевской были настоящими доками. Но из подонков не вылепишь воинов. Да и возможности у некогда всесильного лидера дьяволопоклонников были не те. Чахла на корню сама идея поклонения Сатане.

Секта Когтя процветала по двум причинам: она была первой, случайно завладела большими запасами топлива и, благодаря Коробцову, получила возможность обменивать солярку на оружие. Имея такие активы, можно было поклоняться не только Сатане, но и фонарному столбу. Рытье прохода к аду – удачная, но не долговременная идея. Она изжила себя, а появление на Тимирязевской молодого анархиста положило начало бедам сатанинской группировки.

Коготь не раз проклинал тот день, когда старик Харон притащил на станцию Томского. Парень оказался слишком крепким орешком. После его побега разразился большой скандал в Ганзе. Умники-демократы из Полиса стали сравнивать Содружество Станций Кольцевой Линии с американцами, помогавшими оружием Хуссейну во время войны в Заливе.

Хотя скользкий как угорь Коробцов и отделался легким испугом, сотрудничество с сатанистами ему пришлось свернуть. На Тимирязевской стало туго с боеприпасами и едой, авторитет Когтя стремительно падал. Еще немного, и те, кто почитал его как бога, могли вцепиться в глотку своему кумиру. Менять религию или искать новых партнеров по бизнесу было бесполезно – сатанисты успели зарекомендовать себя не с самой лучшей стороны.

Когтю как воздух была нужна некая блистательная операция, и он обратил свой взор на мутантов Филевской линии. Эта группировка тоже вступила в полосу кризиса. Мутанты первого поколения, некогда бывше людьми, умирали один за другим. Их потомки, физически

более приспособленные к существованию в изменившемся мире, оказались слабее морально. Лидеров хватало – не было настоящего вождя. Начались разлады, и Коготь тут же воспользовался неразберихой на Филевской.

Это был отчаянный шаг. На карту пришлось поставить все. В случае проигрыша Коготь мог считать себя трупом, причем смерть от рук мутантов сошла бы за избавление. Больше всего Коготь боялся оказаться в лапах своих людей.

Что-то, а драться мутанты умели. Несмотря на внезапность нападения, многие из них сражались до последнего, но отбить атаку сатанистов не смогли. Филевская пала, и подмокший авторитет Когтя вновь взлетел до небес. Правда, появилась другая проблема – Коготь попросту не знал, что ему делать с таким количеством пленных. Поэтому появление Коробцова с его предложением двинуться в поход на Рублевку было настоящим подарком небес или, в случае Когтя, ада. Так главарь сатанистов стал правой рукой Руслана Ашотовича.

Появился Бронкс.

– Извиняюсь за задержку. В Барвихе не так часто принимают столь важных гостей. Праздничное угощение будет готово только через полчаса. Чем бы вас развлечь?

– А покажите-ка свое хозяйство. Ходят слухи, что вы устроились лучше, чем в Метро. И с питанием, говорят, ажур, с очисткой воды и воздуха все отлажено. Думаю, нам, коренным жителям подземки, есть чему у вас поучиться.

Толстяку не очень-то хотелось водить Когтя по стратегическим объектам Барвихи, но… Тщеславие есть тщеславие. Марат с детства привык к тому, что у него все должно было быть самым лучшим. Сейчас он чувствовал себя примерно так, словно его новый альбом занял первое место в престижном хит-параде.

– Гм… Стараемся. Есть своя свиноферма, оранжерея, где мы выращиваем не только грибы, но и чистые зерновые…

Проблемы очистки воды и выращивания пшеницы стояли перед Когтем так же остро, как вопросы налаживания демократии на станциях Четвертого Рейха. Интересовало его совсем другое, но, чтобы подтолкнуть Мистера Бронкса к этому, требовалось слегка запудрить ему мозги.

– Неужели все объекты Барвихи соединены между собой подземными переходами? – спросил Коготь, хлюпая по грязи вслед за Бронксом.

– Почти все. И работы продолжаются. Мы стремимся сделать так, чтобы как можно реже выходить на поверхность.

– Колоссально! А еще мне хотелось бы посмотреть на оружие, которым располагает ваша группировка.

Бронкс остановился. Смерил экскурсанта хмурым взглядом.

– С этого надо было и начинать, Коготь. Вернемся. Я не стану показывать вам наши стратегические объекты.

– Что за шпиономания, Бронкс? Оставьте это. Арсенал Барвихи меня интересует только с точки зрения бизнесмена. Когда познакомитесь с Коробцовым, можете узнать, каким выгодным было мое с ним сотрудничество. К сожалению, оно так бездарно закончилось. Поэтому я не прочь наладить связь с новыми партнерами. У вас, Бронкс – оружие, у нас – топливо и рабы. Не уподобляйтесь же Скупому Рыцарю! Войны для того и придуманы, что расчищать дорогу бизнесу.

– Красиво сказано. Что ж, я, пожалуй, покажу вам барвихинский арсенал. Только для этого нам придется вернуться.

Бронкс еще раз провел Когтя по нескольким извилистым коридорам, раза три свернул в боковые ответвления и остановился у большой стальной двери, рядом с которой прислонился к стене коренастый мужичок с автоматом.

– Открывай! – свысока бросил ему Марат. – Да застегнись, а то видок у тебя, как у забулдыги.

Охранник поспешил исправить беспорядок в одежде, отстегнул от ремня тяжелую связку ключей, отпер дверь и включил свет.

– Это – не выставка, – пояснил Бронскс, пропуская Когтя вперед. – Просто склад. Однако, я думаю, посмотреть есть на что.

Лидер сатанистов только кивнул. Ничего не ответил, поскольку боялся, что дрожь в голосе выдаст его волнение. Такого количества и такого разнообразия инструментов для убийства ближнего Коготь никогда не видел. Автоматы, винтовки, пистолеты были развешаны на вделанных в стену крюках, просто лежали на фанерных ящиках с патронами и детонаторами. На специальных стеллажах хранились гранаты, мины и с десяток переносных ракетно-зенитных комплексов.

Походив вдоль стеллажей, Коготь вытащил из продолговатого ящика «муху». Пристроил гранатомет на плече и посмотрел на Бронкса через прицел.

– Неплохо. Все подобрано со вкусом. По ценам Метро вся эта музыка будет стоить… много!

– Основатель Рублевской Империи знал толк в оружии, а большие связи в Кремле позволили ему в последний момент перевезти на свою базу достаточно много этого добра. Потом запасы распределили по номам.

– М-да, добра… Я вот о чем подумал, Мистер Бронкс. Коробцову ведь необязательно знать о том, что мы… э-э-э, собираемся затеять собственный бизнес. К тому же сейчас ему не стоит забивать голову подобными мелочами. Как считаете?

– Уверен, что сможем обойтись и без него, – расплылся в улыбке Бронкс. – Кстати, есть у нас и небольшой подземный тир.

Хозяин собирался предложить гостю пострелять, но тут в дверном проеме появился один из помощников Бронкса. Он кивнул Марату с видом официанта, сообщающего о том, что «кушать подано».

– Все готово, шеф.

– Наши собрались?

– Ждем только вас.

Накрытый в рыцарском зале стол, по меркам Метро, был просто шикарным. Общее впечатление слегка портила сервировка. Время было неумолимо ко всему, в том числе и к посуде, некогда претендовавшей на элитарность: позолота на тарелках, блюдах и подносах потускнела, появились сколы и трещины. Часть фарфоровых произведений искусства разбилась, и наборы пришлось составлять из разных сервизов.

Впрочем, для сатанистов и самого Когтя, привыкших питаться из алюминиевых мисок, вполне хватало и этого потускневшего великолепия. Парни с удивлением и недоверием поглядывали на хрустальные рюмки и бокалы, а количество столовых приборов, разложенных в строгом порядке, вообще привело их в замешательство.

Барвихинцы, составлявшие ближайшее окружение Бронкса, окончательно добили гостей своими великолепными нарядами. Составить компанию гостям пришла неизменная четверка. Кроликов вырядился в черный, с серебристыми блестками свитер, расклешенные джинсы и «берцы» с ядовито-красными шнурками, на толстенной платформе. Гусар явился в строгом сером костюме, но с огромным разноцветным платком в нагрудном кармане. Голову (а заодно и лысину) он прикрыл широкополой фетровой шляпой, украшенной широкой лентой с большой серебряной пряжкой. Пожилая светская львица сменила декольтированное вечернее платье на столь же вызывающий розовый комбинезон. Лишь верный себе обладатель хриплого голоса, патлатый мачо вновь предстал в наряде из черной проклепанной кожи.

Гостей потчевали свининой, приготовленной разными способами, грибным супом и весьма аппетитными на вид ржаными лепешками. Пили самогон, разливая его из графинов. Исключение было сделано только для Когтя – Бронкс лично угощал его коньяком из пузатой бутылки с яркой этикеткой.

Поначалу особого веселья не наблюдалось. Гламурные барвихинцы со смесью неприязни и высокомерия взирали на неуклюжие попытки сатанистов сладить с ножами и вилками. Когда же Кроликов промычал себе под нос что-то очень похожее на «Фи!», до открытой ссоры осталось всего ничего.

Напряженность поспешил разрядить Коготь. Он встал и одарил присутствующих дружелюбным взглядом.

– Поднимаю этот бокал за Барвиху и ее обитателей – наших новых друзей!

Он чокнулся с Бронксом, подавая пример остальным. Барвихинским и тимирязевским пришлось повторить жест миролюбия своих лидеров. Бронкс в ответ тут же предложил выпить за здоровье гостей.

Лед таял прямо пропорционально количеству выпитого. Сатанисты перестали стесняться своего незнания этикета. Грудастая Раиса сделала комплимент непосредственности своего соседа – широкоплечего сатаниста, который, плюнув на условности, стал есть свинину руками. Тот вытер рукавом мокрый от жира подбородок и улыбнулся даме, показав дыру от выбитого в потасовке зуба. Между ними завязался непринужденный, почти светский, разговор. А еще через пару тостов общие темы для беседы нашлись у всех.

Уже где-то через полчаса затянутый в черную кожу барвихинский хулиган поинтересовался у сидевшего рядом дьяволопоклонника:

– Ты меня уважаешь?

Глава 5
Элементали

Света, пробивавшегося через трещины в бетонных глыбах и в щели между ними, было вполне достаточно, поэтому Томский погасил свой фонарь. Сначала можно было рассмотреть только силуэты спутников Толика и гору из вещевых мешков. Потом глаза привыкли к скудному освещению. Сделались различимыми мелкие детали.

Отряд из десяти человек расположился в некоем подобии пещеры нового типа, которая образовалась из остатков конструкций обрушившегося подземного перехода.

Назвать это место чересчур уютным было нельзя. Разница между минусовой температурой снаружи и плюсом внутри убежища приводила к тому, что снег, заталкиваемый ветром во все дыры, то таял, то замерзал. В итоге на бетонном полу образовались лужи, а ощерившиеся ржавой арматурой глыбы покрылись коркой льда.

Остановка была вынужденной. Устать еще никто не успел, поскольку группа прошла всего несколько километров и добралась лишь до подходов к Преображенской площади. Продолжить путешествие помешали выстрелы, прогремевшие впереди. Через минуту грохот автоматных очередей сменился воплями и зловещим звуком, хорошо знакомым тем, кто имел опыт путешествий по поверхности – хлопками крыльев.

Рассмотреть что-либо мешали руины домов. Однако и так было ясно – на каких-то бедолаг напали птеродактили. Потом все стихло, но в сером небе появилось несколько темных точек. Птерозавры спешили на пир, начатый их сородичами.

Томскому осталось только отдать приказ укрыться в руинах. Вступать в бой с властителями московского неба в его планы не входило. Быстро отыскать убежище помог Дантист – странный парень, которого рекомендовал в проводники Коля Вездеход.

Анатолий не раз встречал Дантиста на станции и большого доверия к нему не испытывал. Внешность бывшего узника Берилага была весьма запоминающейся. Низкорослый, но крепко сбитый, он относился к типу людей, не имеющих возраста. Кожа на круглом лице его была гладкой, но чересчур сухой и бледной. Глаза то горели желанием действовать, то потухали, залитые полной апатией ко всему, что происходило вокруг. Возможно, резкая смена настроений была следствием травмы. Ее следы, как ни пытался Дантист прикрыть их жидкими, цвета соломы волосами, отчетливо виднелись на левой части головы. Загрубевшая, иссеченная белыми рубцами безволосая кожа свидетельствовала о том, что какое-то время Дантисту пришлось пробыть в опасной близости от границы между нашим миром и мрачным царством Аида. Это, очевидно и наложило на поведение парня свой отпечаток – Дантист обладал способностью собирать вокруг себя слушателей и заставлять их разевать рты от удивления. И о ртах. Кличку свою Дантист получил из-за того, что охранники однажды постарались на славу и выбили пленнику все зубы. По счастливой случайности у парня остался только один зуб с золотой коронкой, оказавшийся крепче, чем остальные. С тех пор, если Дантист разевал рот, в этом темном провале вспыхивала маленькая звездочка. Зрелище, при всем своем трагизме, было весьма уморительным.

Больше всего донимал Дантиста насмешками один молодой парень – симпатяга и здоровяк Иван, к тому же обладавший прекрасными баритоном. Если ему становилось скучно, то при виде Дантиста насмешник сразу затягивал:

Гори, гори, моя звезда.
Гори, звезда приветная
Ты у меня одна заветная
Других не будь хоть никогда…

Ввиду явного физического перевеса Ивана Дантисту приходилось сносить обиду молча. Впрочем, это не мешало ему оставаться отличным рассказчиком. К тому же отсутствие зубов отразилось на дикции Дантиста, придав его голосу особый оттенок мрачности и таинственности.

Томского поначалу настораживала популярность Дантиста – он имел множество личных оснований не любить сектантов. Однако Дантист не был сектантом в полном смысле этого слова. Он не пытался сколотить из своих слушателей какую-то группу, не собирался обращать кого бы то ни было в свою веру. Просто очередной сказитель, последователь Гомера, старавшийся перекроить «Одиссею» и «Илиаду» на свой, метрошный лад.

Поскольку чудаков на станции Че Гевары хватало, а у Толика было слишком много дел, он не слишком интересовался Данистом.

Сейчас в голову Томского лезли разные мысли – об эпидемии мутировавшего бронхита, о загадочном Хиле и о Елене, чья жизнь была сейчас под угрозой. Однако обрывки доносившегося разговора вскоре его заинтересовали.

– А этих чертей увидеть можно? – спросил Носов.

– В обычной ситуации – нет, – тихо отвечал Дантист. – Обычно духи воздуха, земли, огня и воды невидимы, потому как все стихии находятся в равновесии. Слыхали о единстве и борьбе противоположностей? То-то. С элементалями такая же картинка: вода гасит огонь, огонь кипятит воду, земля сдерживает воздух, воздух раздувает землю, земля не липнет к воде. Но в нашем случае, друзья мои, равновесие нарушено Катаклизмом. Отсюда – полный бардак. Элементали могут явиться людям где угодно.

– А сам-то ты их видел? – Томский встал и пересел на валун поближе к рассказчику. – Какие они, твои элементали?

– Всякие-разные.

Поскольку лицо Дантиста было скрыто противогазом, никто не мог понять, насмехается ли он над слушателями или говорит о многочисленности видов духов серьезно.

– Все их видели, – продолжал Дантист. – Только сообразить не могли, кого на самом деле видели. Элементали не имеют формы, поэтому могут принимать образы людей, животных и даже неодушевленных предметов. Ну, например, груды кирпича, на которой сейчас сидит Вездеход.

Носов вскочил, как подброшенный пружиной, оглянулся и снова сел. Уже под общий смех.

– Или выглядеть, как наша общая любимица Шестера…

– Вот только Шестеру трогать не надо, – предупредил Вездеход, беря ласку на руки. – Договоришься мне. Последний зуб выбью.

– А вот вы, товарищ Томский, никогда не встречали чего-то, чему не смогли найти объяснения? – Дантист обернулся к Толику.

– Всякое было. Только я не стал бы списывать все на элементалей. Иные людишки пострашнее духов будут.

Толику сразу вспомнился Путевой Обходчик. Этот парень вполне мог быть духом.

– М-да. Люди. Самое плохое – когда элементаль принимает решение вселиться в человека, – вновь заговорил Дантист. – Одержимый получает сверхспособности, но утрачивает собственное «я». Как правило, человечнее не становится. Его поступки… У нас в Берилаге был такой. Думаю, своего элементаля он подцепил, когда работал на поверхности. Помнишь Уса, Коля?

– Такого забудешь!

Судя по реакции остальных, Уса помнили все.

– Он в одной клетке со мной сидел, – пояснил Дантист. – Мужик как мужик был, пока в один прекрасный день не заявил, что может спокойно расплавить прутья решетки, лишь прикоснувшись к ним. Попытался это сделать и… Известны случаи самовозгорания, но тут было что-то другое. Ус вспыхнул, как свеча. Я попытался его потушить. Клянусь богом, ни я не успел прикоснуться к нему, ни он ко мне. Но на решетку меня швырнуло с такой силой, что черепушка лопнула. Перед тем, как кровь залила глаза, я увидел Уса. Лицо его было объято огнем, но он улыбался. Скалил зубы так, будто сползание кожи доставляло ему особое удовольствие. Пока не обуглился язык, Ус кричал.

– Да, – кивнул один из слушателей. – Я сидел в соседней клетке. «Поддайте жару, я совсем окоченел!» – так вопил Ус.

– Точно. Это слышали все. Но никто, кроме меня, не видел, как из ноздри Уса выполз толстый оранжевый червь. Тварь эта светилась, как раскаленная спираль, и нырнула в трещину в полу до того, как клетку открыли надзиратели.

– И ты считаешь, что это был элементаль, который вселился в Уса? – усмехнулся Толик. – А не резоннее ли предположить, что когда твой сокамерник работал на поверхности, его одежда пропиталась какой-то горючей легковоспламеняющейся дрянью? Потом он свернул самокрутку, попытался прикурить и… Никаких элементалей. Просто роковая случайность.

– Ус не курил, – пробурчал себе под нос Дантист. – Даже запаха дыма не переносил. Ладно, можете не верить, но они повсюду. Неотъ-емлемая часть природы. Кирпичики мира, который мы загубили. Теперь они мстят, а мы пробуем найти рациональное объяснение тому, что вытворяют выведенные из равновесия духи.

Томский не стал продолжать дискуссию. Дантист явно зациклился на своих элементалях, и похоже, зараза эта прилипчивая. Вот почему его байку о духах стихий слушают так внимательно.

Под впечатлением рассказа все притихли. Наверное, размышляли о судьбе несчастного Уса. Внезапно тишину нарушил звук, заставивший Толика, да и все остальных, вздрогнуть. Дантист даже потянулся к своему «калашу», но тут один боец виновато развел руками.

– Это я…

– Эх вы, герои! – рассмеялся Иван. – Наслушаетесь баек и дергаетесь. Собственной тени скоро бояться станете. Что, человеку уж и кашлянуть нельзя? Нет никаких элементалей и никогда не было. Все проще. На поверхности уйма разной дряни, да и в Метро полнехонько. Пусть по пути Дантист покажет мне хоть одного духа и, клянусь, я подергаю его за огненную рыжую бороду!

Итак, звук, отразившийся эхом от обледенелых стен пещеры, был обычным кашлем. Однако Томского это не успокоило. Даже наоборот. Появись здесь элементаль, он напугал бы Анатолия меньше, чем кашель. Он и Носов лично занимались отбором людей в группу. Само собой, брали тех, кто помоложе, покрепче, а главное – без признаков заражения бронхитом. При такой скорости распространения заразы один заболевший мог загубить на корню весь план, заразив остальных.

Томский встал, подошел к парню.

– Ты как? Температуры нет?

– Да нормально все! Поперхнулся, и всего делов!

– Хорошо. Дантист и ты, Иван, сгоняйте к выходу. Может, наши летуны уже успокоились. Не ночь же здесь куковать под байки о духах.

– Вставай, звездочка моя ясная! – Иван хлопнул Дантиста по плечу с такой силой, что тот едва не свалился с камня. – Не дрейфь! Со мной тебе никакие элементали не страшны.

Свернув за поворот пещеры, разведчики скрылись из вида.

Ждать их пришлось долго. Когда Толик уже начал беспокоиться, вернулся Иван. Через полминуты появился Дантист, который постоянно оглядывался.

– Еще летают, гады, – сообщил Иван. – Но стрельбы уже не слышно. Хочется верить, что тем парням удалось спрятаться, хотя я лично считаю, что их сожрали. Придется еще подождать, хотя, если патронов не жалко, можем и…

– Ждем! – отрезал Томский.

– Ты про главное скажи! – нервно воскликнул Дантист. – Плевать на птеродактилей! Их подстрелить можно, а с ЭТИМ как быть? Думаю, мне придется вести вас в обход. Значит, крюк, километра на три…

– Какой еще крюк?! – возмутился Иван. – Ерунду Дантист порет. Там многоэтажка стоит. Ее какой-то черной ерундой затянуло так, что на скалу стала похожа. Ну, наш смельчак сразу штаники и обмочил. Крюк! Тебя слушать, так мы тут вечно крюками ходить будем.

Дантист не сдавался:

– А звуки? Ты про звуки расскажи!

– Звуки… Ну, были звуки. Как будто на крыше дома… клокочет, что ли…

– Все! – Томский резким взмахом руки остановил спорщиков. – Через час выступаем. Никаких крюков и рассказов про элементалей. Это приказ!

Дантист и Иван умолкли. Их примеру последовали остальные.

На протяжении часа было слышно только шуршание, которое издавала непоседливая Шестера, метавшаяся вокруг Вездехода.

Когда отряд покинул свое убежище, день уже близился к концу. Спрятавшееся за скелеты домов солнце посылало миру прощальный свет. Скупой и дрожащий, он уже с трудом освещал руины.

Томский не сразу увидел похожий на скалу дом. Сначала были звуки. Характер их Иван определил точно: что-то и впрямь клокотало. Всхлипывало и плевалось, делало паузу на пару секунд и вновь продолжало клокотать. Все это доносилось сверху. Анатолий поднял глаза. От многоэтажки, мимо которой собиралась пройти группа, мало что осталось. Кое-где еще были видны дыры окон, кое-где выступали строительные конструкции, но в остальном это была скала. Покрытый уродливыми наростами гигантский конус, состоявший из черной, непонятного происхождения массы. Клокотание доносилось с вершины этой скалы.

Вулкан? Первое сравнение, пришедшее на ум Томскому, оказалось весьма точным. Именно так выглядели и вели себя вулканы, описанные в учебнике природоведения. А еще он вспомнил стихотворение Гумилева:

Одиноко-незрячее солнце смотрело на страны,
Где безумье и ужас от века застыли на всем,
Где гора в отдаленье казалась взъерошенным псом,
Где клокочущей черною медью дышали вулканы.

Толик шептал эти слова, поражаясь тому, насколько хорошо они описывали то, что он сейчас видел. Но все это было лирикой. Дом мог быть поражен каким-то грибком и оброс плесенью. А звук… На крыше могла свить себе гнездо какая-нибудь тварь. Опасная или, наоборот, безвредная для людей. И никаких тебе клокочущих черной медью вулканов.

Томский дал знак отряду двигаться вперед. Оказавшись у подножия черного конуса, направил на него луч фонарика. Если это и было плесенью, то очень странной. Больше всего черная масса напоминала резину и отражала свет. На вид была твердой, а проверять ее на ощупь Анатолий не хотел.

Издав очередной всхлип, дом-вулкан смолк, словно убедившись в том, что напугать людей ему не удалось. Отряд прошел мимо. Впереди не наблюдалось никаких препятствий. Люди пошли быстрее. Толик двигался впереди. Он совершенно успокоился, но вдруг застыл,

как вкопанный. Сделать следующий шаг ему помешала интуиция. Или, если быть точным, некое особое чувство, выработавшееся у людей, домом которых стало Метро.

Вездеход ткнулся Толику в спину.

– Ты чего?

– Пока сам не понимаю, – отвечал Томский. – Но здесь что-то не так…

– Что?

Толик не ответил. Он осматривался.

Улица. Обгрызенные черенки домов. С десяток проржавевших насквозь автомобилей, застывших в разных положениях. Полное отсутствие движения. Так почему же он остановился?

Озарение пришло, когда Анатолий посмотрел себе под ноги. Асфальт повсюду был покрыт трещинами, через которые пробивались ростки колючей травы, а тут… Улицу пересекала темная полоса шириной метра в четыре, очень напоминавшая по виду резиновое покрытие дома-вулкана. Томский обернулся. Так и есть. Черная речушка брала свое начало от закутанного в кокон плесени дома. Это означало, что, несмотря на кажущуюся твердость, темная масса имела свойства жидкости. Значит, все-таки вулкан, который извергал какую-то гадость? Что-то вроде битума.

Томский собирался опуститься на корточки и коснуться рукой чудо-битума, но тут увидел метрах в двадцати бетонную плиту. На первый взгляд она выглядела просто частью обрушившегося дома, если бы не одно «но»: плита лежала точно на черной речушке, а два ее торца покоились на том, что можно было назвать берегами. Мост. Кто-то сделал из плиты переправу.

Толик вспомнил свое путешествие на Лубянку. Театральный проезд. Гигантский слизень и его фосфоресцирующий след. Мерзость, разъедавшая все, как серная кислота. Он вскинул руку, указывая на плиту.

– Всем туда.

Отряд повиновался приказу. Томский первым вскочил на плиту. Перешел битумную реку, спрыгнул на асфальт. Он гордился собой. Своим умением предчувствовать опасность.

– Элементали… Они живут на верхушке горы и издают шум, который мы слышали.

– Да нет никаких элементалей. Смотри, придурок.

Анатолий обернулся. Проклятье! Иван решил в очередной раз доказать Дантисту, что чудес не бывает. Он присел на корточки и коснулся поверхности битума стволом «калаша».

– Стой! Не надо! – Томский бросился к товарищу. – Нельзя!

Поздно. Анатолий понял это, хотя ничего особенного еще не произошло. Иван встал и смотрел на командира.

– Ты сдурел?!

Боец не видел того, что начало происходить за его спиной. В месте прикосновения ствола автомата битум вздулся и лопнул, выпустив черное облачко причудливой формы. Потом река начала вздуваться в разных местах. Хлоп. Хлоп. Черные облака качались в воздухе, напоминая живые существа диковинного вида.

– Элементали! Элементали!

Под визг Дантиста, Томский толкнул Ивана в сторону застывших на другом конце плиты товарищей. Проделать то же самое с впавшим в истерику Дантистом он не успел. Черные облака начали сливаться в одно большое облако. Эта тьма надвигалась на Анатолия и Дантиста. Всего пара секунд, и они оказались в кромешном мраке.

Томский попытался отыскать паникера на ощупь, но вытянутые руки его натыкались на пустоту. В поисках Дантиста Томскому удалось добраться до конца плиты. Он спрыгнул на асфальт, но большого облегчения это не принесло. Мрак не был полным. Он состоял из фиолетовых и черных полос-потоков, которые куда-то плыли, скручивались в кольца, распрямлялись, свивались в спирали и образовывали воронки.

Лучшим выходом теперь было остаться на месте и попытаться восстановить ориентацию в пространстве. Лучшим, но… Томский пошел. Он не нашел в себе сил противиться гипнотическому танцу потоков и теперь двигался параллельно им, уходя от плиты все дальше. Толик слышал, как его окликают товарищи, как продолжает вопить об элементалях Дантист, но продолжал идти, хотя знал, что делать этого нельзя.

Фиолетово-черные воронки были глазами. Глазами существ, наблюдающих за человеком со всех сторон. Бесстрастно взирающих на жалкие потуги Томского выбраться из мрака. Может, это и были элементали? Интересно, куда они его заведут? Испытывая какое-то болезненное, извращенное любопытство, Толик плыл по коридорам мрака. Надежда установить контакт с элементалями уводила его в некую запретную страну, все дальше от мира людей. В страну, где все вороны как две капли воды похожи на конторки, а синие гусеницы, оседлав шляпки грибов, курят свои кальяны.

Неизвестно, как долго продолжалось бы это путешествие, если бы Толик не увидел неподалеку от себя белое пятно. Мрак начал рассеиваться, а Томский – выходить из гипнотического транса. Белое пятно обрело форму. Человек. Девочка лет пяти в причудливом противогазе. Босая в белой рубашке до пят. Галлюцинация?

– Помоги! Томский, помоги мне!

Голос Дантиста окончательно вернул Анатолия в реальность.

– Где ты?

– Помоги!

Девочка хихикнула и убежала в руины, а Томский увидел Дантиста. Тот лежал на спине, пытался встать, но никак не мог оторваться от поверхности битума, который кипел вокруг. Пузырьки лопались, но уже не выбрасывали черного дыма. Черная река получила то, что хотела, и элементали на время успокоились.

Глава 6
Пыль и нафталин

Засохшее кривое деревце было единственным на поле растением высотой больше метра. Некогда здесь были и другие деревья, о которых напоминало множество пней. Их спилили еще во времена строительства второго Периметра укреплений, окружавших Жуковку. Польза была двойной: стройматериалы и улучшение обзора подходов к столице Рублевской Империи.

Теперь одинокое деревце служило насестом для гарпии, которая, качаясь на ветке, поглядывала по сторонам в поисках добычи. С наступлением вечера на охоту должны были выйти вараны. Заметив кого-нибудь из них, устроившиеся в разных концах поля гарпии-наблюдательницы подали бы сигнал товаркам. Все дальнейшее было делом техники: твари сбивались в стаю, атаковали рептилию и пировали до утра, дерясь за куски мяса, оторванные от туши варана.

Властительница рублевского неба самоуверенно вертела плоской головой, не подозревая о том, что скоро сама окажется объектом охоты.

Но вот деревце качнулась. Гарпия издала недовольный клекот, но покидать ветку не стала. Широко раскинув крылья, она пыталась удержаться на дереве и после новых толчков. Лишь после того, как из-под земли послышались непонятные для гарпии звуки, она снялась с ветки и начала кружить в небе.

Откинулась крышка замаскированного деревцем люка и показалась голова в противогазе. Неизвестный без особого интереса взглянул на гарпию и выбрался на поверхность. Вслед за ним из подземелья вылез второй человек, который из-за своей внушительной комплекции с трудом протиснулся в люк. Оба склонились и с заметным почтением помогли выбраться третьему. Этот третий, несмотря на хрупкое телосложение, несомненно был главным в компании.

Если на первых двоих был стандартный наряд сталкеров, отличавшийся грубой неприхотливостью, то на третьем красовался комбинезон, тщательно подогнанный по фигуре и прошитый серебристыми нитями, а за плечами его висел небольшой удобный рюкзачок, опять-таки с серебряным сердечком на клапане.

– Мы на месте, госпожа Раиса, – гаркнул барвихинский громила, обводя рукой поле с таким видом, будто оно было его ленным владением.

– Сама вижу, идиот. Не вопи, птичку спугнешь.

Раиса сняла с плеча карабин с прикладом, инкрустированным затейливыми пластмассовыми накладками.

– Ну-с, милашка, ты у меня долеталась.

Грохнул выстрел и гарпия, прервав свое кружение, грохнулась на землю.

– Браво, госпожа.

– То-то, олухи. Это вам не из «калашей» во все стороны бабахать. Можете убираться – дальше я сама.

– Но, госпожа. У нас приказ Мистера Бронкса: доставить вас…

– Твой Бронкс – дурак, – отмахнулась Раиса, опуская карабин. – Сейчас не то время, чтобы безнаказанно маршировать у стен Жуковки. Три человека – уже отряд. Будьте уверены, что часовые нашпигуют нас свинцом еще до того, как мы окажемся ближе чем в ста метрах от ворот. Сказано вам, валите. И передайте Бронксу: я остаюсь в гостях. Он может быть уверен – все, что требуется, сделаю. Ну же, толстожопые мачо, не заслоняйте пейзаж!

Солдаты послушно спустились в люк и захлопнули за собой крышку. Раиса же, проведя ладонью по противогазу, вздохнула и направилась к Жуковке.

Через полчаса она подошла к все еще строящейся стене третьего Периметра и стала объектом пристального внимания пары часовых, наблюдающих за окрестностями с временной вышки.

– Стоять! Стрелять буду!

– Выстрели себе в лоб, идиот!

Игнорируя окрик часового, женщина продолжала идти к вышке прогулочным шагом. Она не остановилась даже после того, как в глаза ударил сноп света включенного прожектора. Часовые просто не знали, как себя вести, и включили его, несмотря на то, что света хватало и так.

Раиса прикрыла окуляры ладонью.

– Сейчас же погасите чертов прожектор, храпоидолы!

Часовые уже успели рассмотреть противогаз, сшитый из разноцветной резины, приталенный комбинезон и похожий на игрушку карабин. Наглость Раисы также дала свои плоды. Прожектор погас.

Женщина брезгливо отшвырнула ногой попавшаяся на пути ведро.

– Черт бы побрал эту стройку! Эй, джентльмены, никто не желает спуститься с верхотуры и помочь даме пройти через все это хламье, пока я не переломала себе ноги?

Часовые переглянулись, после чего один из них внял призыву и не только помог барвихинской шпионке пересечь стройплощадку, но и провел через ворота первого периметра. Каждый из встречавшихся на пути часовых решал, что какая-та из сумасбродных жуковских дамочек в поисках адреналина решила прогуляться по окрестностям и покинула охраняемую территорию не в его смену, а теперь просто возвращалась.

Раисе удалось проникнуть в самое сердце Жуковки, несмотря на то, что столица Рублевской Империи фактически находилась на военном положении, и были отданы строжайшие приказы не впускать посторонних.

Шпионка остановилась у крыльца особняка и, уперев руки в бока, посмотрела на провожатого.

– Ну, и долго ты будешь за мной шляться? Если рассчитываешь попасть туда, куда иду я, не забудь с ботинок дерьмо соскрести. В общем, гуляй, мальчик!

Раиса с легкостью птички вспорхнула по ступенькам, но тут дорогу ей преградили. На этот раз она встретилась с часовым, назначенным новым руководством, и этот рослый парень с автоматом не собирался очень-то цацкаться с элитой.

– Куда прешься?

– На кудыкину гору!

– Стоять. К кому?

– Ну, положим, к Алине Брониславовне. Или это уже запрещено?

– Нет здесь такой.

– И куда ж она подевалась, сокол ты мой ясный?

– Точно не знаю, но ваши теперь там кучкуются, – часовой указал на здание «Жукоффка плаза». – Там свою Брониславовну и поспрошай. Авось и найдешь.

– Быдло!

– От быдла и слышу, – не растерялся часовой. – Еще раз сунешь сюда нос – ступеньки ребрами пересчитаешь.

На этот раз была ошеломлена сама Раиса. Как все прирожденные нахалки, она терялась, когда встречала на своем пути человека более наглого, чем сама. И все-таки, прежде чем уйти, она показала часовому средний палец.

Еще с крыльца особняка посланница заметила то, как изменилось отношение к элите. Надпись «Плазы», сколько она себя помнила, всегда игриво посверкивала, демонстрируя незыблемую прочность рублевских устоев. Теперь буквы были темны и мертвы.

Вот и главный вход в торговый зал никем не охранялся. Перед тем, как начать лупить кулачком по бронированной двери, Раиса обернулась, чтобы бросить полный ненависти взгляд на особняк, который несомненно являлся резиденцией нового правительства.

– С-с-скоты…

Раиса никогда не любила свое окружение. Ни тогда, когда плавала в свете софитов, ни, тем более, сейчас. Однако была его частью. Сама мысль о том, что кто-то может командовать элитой, вызывала у нее сильное желание стать мутантом и иметь ядовитую слюну. Для того чтобы плюнуть в сторону особняка и насквозь прожечь бетон на дорожке. Так, чтобы он задымился.

Рот стареющей светской львицы действительно наполнился слюной. Она даже собиралась привести свое намерение в действие, но вовремя вспомнила о противогазе.

На стук долго никто не реагировал. Раиса, грешным делом, подумала, что ее дружки и подруги не перенесли свалившихся на них несчастий и перемерли, как динозавры в ледниковый период. Но тут дверь с лязгом приоткрылась, и в образовавшуюся щель высунулась плешивая головенка мужичка в респираторе цвета ультрамарин. Сразу признав в Раисе свою, он распахнул дверь полностью. Пропустил гостью, старательно заперся. Зажег фонарик.

– Приветик. На свете теперь приходится экономить. Стоит кому-то заметить, что мы жжем электричество, сразу поднимается вой. А ты почему без магнитной карточки?

– Свет все-таки зажги, Ромочка, – отвечала Раиса, снимая противогаз. – Думаю, для подобной расточительности имеется веский повод.

Ромочка, которому на вид было больше шестидесяти, щелкнул переключателем и подпрыгнул от изумления.

– Ба! Раечка!

– Я. Давненько в гостях не бывала. А ты все такой же попрыгун, я вижу. Как дела?

– Ну, насчет прыгуна, это ты, Рая, загнула, – щебетал Ромочка, помогая даме разоблачиться. – Годы берут свое. Здоровье… А тут еще в привратники записали…

Он был довольно подвижным старичком, имевшим точеную фигуру девочки-подростка. Наряд Ромочки соответствовал фигуре – клетчатые брюки-дудочки, лакированные штиблеты бордового цвета и такой же клетчатый короткий пиджачок.

– Плевать я хотела на твое здоровье, – Раиса ласково потрепала Ромочку по гладко выбритой щеке. – Что в Жуковке творится, при новых-то порядках? Какие настроения?

Ромочка и Раиса двинулись по коридору, пол которого был застелен красной коровой дорожкой и уходил под углом градусов в двадцать вниз. Все высокие двустворчатые двери по обеим его сторонам были закрыты.

– Ну, в общем-то, нас не обижают, – пояснял Ромочка. – Но и прежних привилегий уже нет. Можно сказать, каждым куском хлеба попрекают. Эти гасты уже чувствуют себя равными нам. Немыслимо!

– Как Алина Брониславовна?

– Держится бодро, – кивнул Ромочка, распахивая перед гостьей дверь в торце коридора. – В ее возрасте не согнуться под бременем лет – это уже подвиг. Перекусишь чего-нибудь, Раечка, или все за фигурой следишь?

– Перекушу. От самой Барвихи во рту маковой росинки не было. А ты, Ромочка, будь любезен, сообщи всем нашим, что я важные вести принесла. Главное, чтоб сама Алина Брониславовна обо мне узнала.

– Понял-с.

Известие о прибытии Раисы моментально облетело гламурный бункер. Еще до того, как она закончила трапезу, появились старые подруги, друзья. Под трехкратные лобзания, ахи-охи и лицемерно-радостные «вау!» Раиса потихоньку прощупывала почву. Результаты проведен-

ного «соцопроса» ее радовали: настроеньице у жуковской элиты было паршивым, а отношение к новой власти – враждебным.

Однако все это было предсказуемо. Жалобы на притеснения со стороны корниловской клики и стоны на резко ухудшившиеся условия содержания были просто комариными писками. Не их сюда пришла слушать Раиса. Пока она просто челомкалась с пустышками и ждала приглашения от тех, за кем стояла реальная сила, а его как раз не поступало. Зная крутой нрав и сумасбродный характер Алины Брониславовны Разиной, можно было ожидать, что та вообще откажется от встречи с Раисой.

Парламентерша начала терять терпение. Ее уже раздражали однообразные, лишенные всякого смысла разговоры. От мельтешения разноцветных нарядов рябило в глазах.

Ах, Бронисловавна, ах, старая чертовка! Послать бы ее. Нельзя. Раиса слишком хорошо разбиралась в рублевской иерархии. Не внешней, показушной, а истинной. Все выскочки и нувориши не стоили и мизинца Алины Разиной, поселившейся на Рублевке задолго до мелкотни, вертевшейся вокруг Раисы сейчас. Благословения Брониславовны искали задолго до Катаклизма, а масштабы ее связей трудно было даже представить.

Прошел еще час. Раиса решила, что на переговорах уже можно ставить крест, и принялась обдумывать доводы, с помощью которых собиралась объяснять Мистеру Бронксу провал своей миссии. Но тут, как чертик из табакерки, откуда-то выпрыгнул Ромочка. Склонился к уху Раисы.

– Кисуля, ты в преферанс играешь?

– Если надо – то хоть в гусарскую рулетку!

– Отлично. Алина Брониславовна приглашает тебя на партейку в узком кругу.

Раиса вздохнула с таким облегчением, что ее монументальная грудь едва не разорвала кожзаменитель комбинезона.

Ромочка завладел рукой гостьи и потащил Раису за собой. Они миновали несколько залов, уставленных стеклянными кубами. Раиса замедляла шаг, чтобы рассмотреть расставленные, разложенные и подсвеченнные лампочками разномастные наряды постядерной коллекции Зима-Весна-Осень-Лето-2033.

И вот витрины закончились. Ромочка провел гостью через складские помещение «Плазы», с удивительной сноровкой ориентируясь в лабиринтах, образованных картонными ящиками.

– Осторожно, Раечка. Тут ступенечки.

На винтовой лестнице Раиса насчитала не меньше сорока «ступенечек». Брониславовна была тем еще кротом и предпочитала жить глубоко под землей – подальше от радиации, мутантов, политических разборок и прочих треволнений, способных вызвать у нее приступ мигрени.

Запахло пылью и еще чем-то. Про себя Раиса с ухмылкой решила, что это – нафталин.

Еще один узкий коридор, и Ромочка остановился.

– Тебе, лапонька, в эту дверь. Постучаться не забудь.

Отдав последнее указание, Ромочка, вильнув бедрами, двинулся в обратный путь.

Раиса постучала.

– Входи!

Сиплый мужской голос принадлежал грузному пожилому джентльмену, который в одиночестве сидел за круглым, крытым зеленым сукном столом и занимался тем, что старательно перетасовывал колоду карт.

На джентльмене была белая, не первой свежести сорочка, синий с замусоленным узлом галстук. Седой ежик волос венчал круглую, массивную голову, а самым примечательным на морщинистом лице были мясистые, навечно искривленные недовольством губы. Перед мужчиной стояла рюмка с коньяком и пепельница, в которой дымилась плохо потушенная сигарета.

Впустив Раису, он совершенно перестал ею интересоваться. Гостья воспользовалась паузой, чтобы осмотреться. Комната овальной формы имела приличные для бункера размеры. С украшенного лепниной потолка на витых шнурах разной длины свисали хрустальные шары-люстры. Стены были обиты желтой тканью, прошитой ромбами. Обивка эта очень напоминала ту, что когда-то использовали в психиатрических клиниках для камер, в которых изолировали буйных умалишенных. Единственный арочный выход закрывался тяжелой портьерой из зеленого атласа.

Ярким, дополняющим вопиющую безвкусицу штрихом была пыль. Казалось, что здесь ее специально собирают и оберегают. Толстый слой ее лежал повсюду – на хрустальных шарах, на громадном, висевшим над столом абажуром, в складках портьеры и на спинках стульев-полукресел.

Стараясь не морщиться от брезгливости, Раиса села, устроив локти на столе. Она собиралась кашлянуть, чтобы напомнить о своем присутствии, но вместо этого чихнула. Так сильно, что стая пылинок, взлетевших с зеленого сукна, закружились в столбе света абажура. Господин оставил колоду в покое, но только для того, чтобы заняться рюмкой.

– Скажите, а Алина Брониславовна…

– Сейчас явится. Никуда не денется. Рожу, наверное, штукатурит. А ты, красавица, значит, из Барвихи подземным ходом приперлась?

Голос мужчины неприятно поражал какой-то вмонтированной визгливостью. Тем не менее, Раиса, подозревая, что имеет дело с большой шишкой, решила быть вежливой.

– А как вас по имени-отчеству?

– Вольдемар. Отчество в наше время значения не имеет. Всем мы тут – селедки в жестяной банке. Тьфу!

– Я за тем и пришла, чтобы посоветоваться, как свергнуть правительство узурпатора.

– Свергнуть? – Вольдемар презрительно скривился. – А на кой его свергать?

– Так ведь…

– Я всегда считал, что женщина… – Вольдемар с присвистом втянул порцию коньяка и крякнул, – женщина должна сидеть дома, плакать, штопать и готовить. А вам – все в большую политику. Чушь несете! Свергнуть! А чем плох этот Корнилов? Такая же размазня, как Рамзес! Их диктатуры – как фруктовое желе. Поэтому недолговечны!

– А по-вашему…

– По-моему надо, чтобы власть была твердым куском мяса. Хорошо прожаренным, хорошо проперченным! Так-то, дамочка!

Свои воззрения на политическое устройство Рублевки Вольдемар подкрепил ударом кулака по столу.

– Ну, Вовочка! Опять разошелся? Не надо так бурно реагировать на разные мелочи. В нашем возрасте это опасно.

Низкий, грудной голос доносился из ниши. Пыльная портьера раздвинулась, и в комнату вошла дама. Точнее не вошла. Алину Бронисловавну вели под руки двое. Первый из спутников Разиной, отодвинувший для нее стул, был высоким, слегка сутулым мужчиной лет пятидесяти. Длинные, до плеч, седые волосы были разделены аккуратным пробором. Черный смокинг сидел на нем несколько мешковато, а бабочка чуть съехала набок. Самой отличительной чертой этого спутника Алины было чрезвычайно подвижное, состоявшее из одних морщин лицо. Казалось, что мужчина постоянно гримасничает из-за нервного тика. Усадив Алину, он застыл возле нее со скрещенными руками.

Второй был не просто высок. Рост его оставлял двухметровую отметку далеко позади. Шикарный, с позолоченными позументами, кардиган делал этого спутника матриарха похожим на швейцара дорогого ресторана. Тщательно взъерошенные и явно крашеные волосы были перехвачены белой лентой с надписью на неизвестном языке, а по-цыгански черные выпучен-

ные глаза смотрели на мир с детским удивлением и капризностью. Недельная щетина на пухлых щеках долговязого, по замыслу, должна была выглядеть очень стильно. Однако на деле смотрелась так, словно старикан побрился плохой бритвой.

Чтобы поднести спичку к сигарете Брониславовны, ему пришлось не просто нагнуться, а сложиться пополам.

– Я и говорю, Вова, – произнесла Алина, выпуская дым в сторону абажура. – Не надо этих волнений. Они так утомляют. Недавно наш целитель, этот… Гм…

– Хила, – напомнил Алине спутник с бабочкой.

– Да, Хила. Он прислал мне чудесных капелек. Могу поделиться.

– К черту капельки! – отмахнулся Вольдемар. – Эти подонки могут меня отравить!

– Да кому ты нужен, Вова…

Раиса никак не могла отвести глаз от Алины. Она хорошо помнила, какой бойкой была Брониславовна в свое время, и теперь с ужасом видела, что Разина окончательно и бесповоротно превратилась в развалину. Из-под широкополой шляпы выбивались седые, кое-как завитые волосы. Полоска тени скрывала глаза, но не могла спрятать висящие, как желе, щеки и тройной подбородок. Руки, которые высовывались из просторных рукавов фиолетового балахона, испещряли крапины пигментных пятен. Пальцы заметно подрагивали.

Алина, наконец, удостоила Раису взглядом.

– А я тебя помню, попрыгунья.

– Да, Алина Брониславовна, мы встречались…

– Ах, наверное, на моем выступлении. Кстати, Тодор, Михаил, что у нас с концертным графиком в этом месяце? Сдается мне, в последнее время я не очень-то часто выступаю. Какие-то проблемы, мальчики?

Тодор и Михаил растерянно переглянулись. Потом оба посмотрели на Раису, сделав страшные глаза.

– Разберемся, Алиночка, – пообещал Тодор. – Будут еще у тебя концерты.

– Будут, – поспешил поддакнуть Михаил. – Запланируем.

Раисе стало ясно: возраст отразился не только на внешности, но и на психическом здоровье. Маразм…

– Бросьте трепаться! – вдруг рявкнул Вольдемар. – Какие концерты, Алина? Возьми себя в руки!

– Зачем же она пришла? – Брониславовна вытянула руку в сторону Раисы. – Если концертов больше не будет, то…

Раиса решила больше не ждать и сходу выложила все, что поручил ей передать Мистер Бронкс. Она ожидала, что Алина, окончательно уйдя в свой вымышленный мир, так ничего и не поймет. Однако Разина вдруг не просто воспряла духом, а схватила быка за рога.

– Гм… Значит, обо мне вспомнили? Значит, вам понадобилась моя помощь? Что ж, скажу прямо: у меня много друзей. За ними стоят реальные силы, и они прислушаются к моему мнению. Если я скажу, что этого… ну, нынешнего фараона… запамятовала его фамилию…

– Корнилов, – напомнил Алине Тодор, вновь сгибаясь пополам. – Юрий Корнилов, моя дорогая.

– Да, если скажу, что хочу размазать Корнилова по стенке, то… нас ведь послушают, Вова?

– Послушают! – визгливо воскликнул Вольдемар. – А куда они денутся, твари? Вот только раньше надо было меня слушать! Тогда бы и хренова Катаклизма не было! Я им говорил: Зюганов – президент, я – премьер-министр…

– Стоп, Вовочка! – Алина устало взмахнула рукой и выронила окурок на стол. – Эту песню мы уже слышали. Ты все поняла, дорогуша? У нас есть, что предложить бунтовщикам. Есть связи и среди солдафонов, и среди гастов.

– Поняла, – кивнула Раиса. – Спасибо.

– Знаешь куда засунуть свое «спасибо»? – вновь встрял в разговор Вольдемар. – Я все-таки хочу иметь реальную власть, хотя бы в этом сраном мирке!

– Я тоже кое-чего хочу, – задумчиво проронила Алина. – Михаил. Тебе не трудно убрать сигарету со стола? Разве не видишь, что она прожгла сукно? Так вот, я хочу… А-а-ап-чхи!

Брониславовна чихнула гораздо сильнее Раисы. Пыль со стеклянных шаров поднялась в воздух и, медленно кружась, опустилась на стол.

Матриарх потеребила подбородки пальцами.

– О чем это я?

– Ты о своей награде за помощь в устранении Корнилова, – напомнил Тодор.

– Так вот! – Алина уперлась руками в стол и поднялась без посторонней помощи. – Слыхала, что в погребальной камере Пирамиды полным-полно места. Я хочу быть похоронена там. С почестями, которые вне всяких сомнений, давно заслужила!

– Я обещаю вам, Алина Бронисловавна, что ваше требование будет исполнено.

– Тогда – все. Я чувствую себя такой же взмыленной и усталой, как лошадь, пробежавшая километров сто. Пойдемте, мальчики. А ты, Вольдемар, свяжись с Конструктором через этого юношу… забыла, как его… выкормыша покойного Айзенберга. Пусть передаст, что мне нужны кое-какие советы.

– Черкес, – буркнул Вольдемар. – Тебе нужен Черкес.

Когда Алину повернули спиной к Раисе, та поняла, что аудиенция окончена, и кивнула Вольдемару. Тот даже не заметил этого жеста вежливости, а принялся с раздражением тасовать свою колоду.

Раиса толкнула дверь и услыхала сдавленный стон. Ромочка, подглядывавший в замочную скважину, со смущенной улыбкой потирал ушибленный глаз.

Глава 7
Подлинная история мамочки

Черный дым еще не рассеялся окончательно, но различать предметы было можно. Особенно те, что находились вблизи. Звуки – тоже. Томский слышал голоса звавших его друзей, но вместо того, чтобы откликнуться, бросился на помощь Дантисту. Хвала Господу, для этого не требовалось ступать в чертову реку, а достаточно было лишь протянуть руку – проводник лежал у самого берега.

Анатолий опустился на колени.

– Тихо, дружок. Спокойно. Это – что-то вроде трясины. Чем больше трепыхаешься, тем сильнее засасывает. Сейчас я подам тебе руку, а ты…

– Так подавай! Я иду ко дну! Чувствую, как элементали тащат меня вниз… О Боже, какие горячие у них руки!

– Да-да…

Томский и сам видел, как тело Дантиста медленно, но верно погружается в реку, поэтому на доли секунды и растерялся. Но быстро пришел в себя и протянул Дантисту автомат.

– Хватайся за ствол. Я тебя вытащу.

– Элементали…

– Брось, Дантист. Нам никаких элементалей не нужно. Мы сами себе элементали. Ну же!

Дантист, наконец, вытянул руку. Ладонь его сомкнулась на стволе автомата. Толик потянул «калаш» на себя. От дикого вопля Дантиста заложило уши. Томский не верил своим глазам. Проводник не оторвался от поверхности битума, нет. С треском лопнул комбинезон. Хлынула кровь. Толик готов был поклясться: он видел что-то розовое и белое. Плоть и кость?! Такого не может быть!

Дантист, наконец, перестал вопить и выпустил ствол «калаша».

– Ли… Ли…

– Что?

– Липучка. Для мух. А я – муха.

– Не говори ерунды! Мы выберемся!

– Ерунду говоришь… ты. Меня… разорвало пополам. Прикончи. Я не хочу так… мучиться.

– Потерпи немного, – Анатолий понимал, что положение Дантиста безнадежно, но продолжал его утешать. – Сейчас придут ребята. Мы что-нибудь придумаем.

– А-а-а-ах! У-у-у!

Кровь стремительно растекалось по гладкому, как стекло, битуму. Теперь Дантист погружался в страшную реку гораздо быстрее, чем раньше.

– Убей! Убей, Томский! Будь же милосердным!

Руки Анатолия тряслись. Он понимал, что должен исполнить последнюю волю Дантиста, но никак не мог справиться с нервной дрожью и нащупать спусковой крючок автомата. Тело несчастного погрузилось в битумную реку больше, чем наполовину. Дантист перестал стонать.

– Ради всего святого. В голову.

Громыхнула очередь – в панике Толик позабыл переставить флажок на стрельбу одиночными. Пули превратили голову Дантиста в кашу из осколков черепа и лохмотьев красной от крови резины противогаза. Черная река отреагировала на гибель своей жертвы. Она стала всасывать труп все быстрее. Меньше, чем через минуту, черные пузырьки пульсировали только вокруг носка «берца». Когда и он погрузился в инфернальную жижу, пузырьки исчезли. Поверхность черной реки выровнялась и вернулась к своему первоначальному виду: сделалась похожей на твердую и гладкую резину.

Липкий пот заливал Томскому глаза. Страшно хотелось сорвать противогаз, вытереть лицо. Они прошли всего ничего, а уже есть первые потери. Виновниками их стали не мутанты, не ядовитые растения, а он сам. Вогнал добрую порцию свинца в голову своего солдата и…

– Хи-хи-хи!

Толика передернуло. Не от страха. От ярости. Кто-то за его спиной насмехался над ним, над тем, что произошло. Томский резко обернулся. Ствол автомата искал цель, а палец, теперь уже не дрожавший, готов был выполнить свою функцию: надавить на спуск и изрешетить насмешника до состояния сита. Но выстрел так и не был сделан. Толик опять увидел девочку в белом. И вновь не смог рассмотреть ее лица, закрытого длинными волосами.

– Эй, кто ты?

– Кто ты?

– Я спрашиваю: кто ты и что здесь делаешь?

– Что здесь делаешь… Хи-хи-хи.

Томский направился к девочке. Она была безоружна и не могла причинить ему вреда. Без противогаза. Без всякой защиты. Скорее всего, маленькая мутантка. Живет в развалинах.

Толик споткнулся о камень и всего на мгновение опустил голову. А когда поднял вновь, малышка в белом исчезла.

Проклятье! Он-то думал, что с галлюцинациями, подаренными ему профессором Корбутом, покончено раз и навсегда. Они вернулись, или чертова девчонка успела добежать вон до того огрызка стены и спрятаться за ним? Если так, то бегать она умеет.

Толик добрался до разрушенной стены. Осторожно, так, чтобы не напугать мутантку, заглянул за нее. Никого. Девчонка опять успела смыться.

– Хи-хи-хи!

Смех доносился теперь уже из-за груды битого кирпича, до которой было метров пятьдесят.

Что он делает? Сначала убил Дантиста. Теперь гоняется за девчонкой, у которой мозги набекрень. Наверное, все-таки у него с мозгами тоже не все в порядке. Надо срочно убираться как можно дальше от дома-вулкана.

– Толян! Толян! Ты куда подевался?

Голос Вездехода. Хоть кто-то держится молодцом.

– Иду!

Толик обернулся и в спешке едва не ступил в черную реку, о которой совершенно забыл. Попятился и уткнулся спиной во что-то твердое.

– Никуда ты не идешь, мужичок. Стоишь здесь, как вкопанный, и молчишь, как рыба. У меня в руках дробовик. Если дернешься, он проделает в тебе дыру, которую никто не заштопает.

Странный голос. Низкий и хриплый, но не мужской. Бесполый. Радовало только упоминание о дробовике. Обычное оружие. Значит, дело придется иметь не с призраками и элементалями.

– Брось автомат, дружок. Отлично. Теперь вперед. Направо. Видишь, каким ты можешь быть молодцом, если захочешь? Теперь только вперед, мужичок!

Толик выполнил приказ. Мужичок? Сейчас, тварь, я тебе покажу на что способны мужички.

Сделав пару шагов, Томский резко присел. Повернулся, обеими руками схватил ствол дробовика и толкнул им своего конвоира. Удар вышел отменным. Анатолий не успел увидеть, кого ударил, но с удовлетворением услышал сдавленный стон и шум падения. В ту же секунду он увидел перед своим носом черную дыру ствола собственного автомата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.